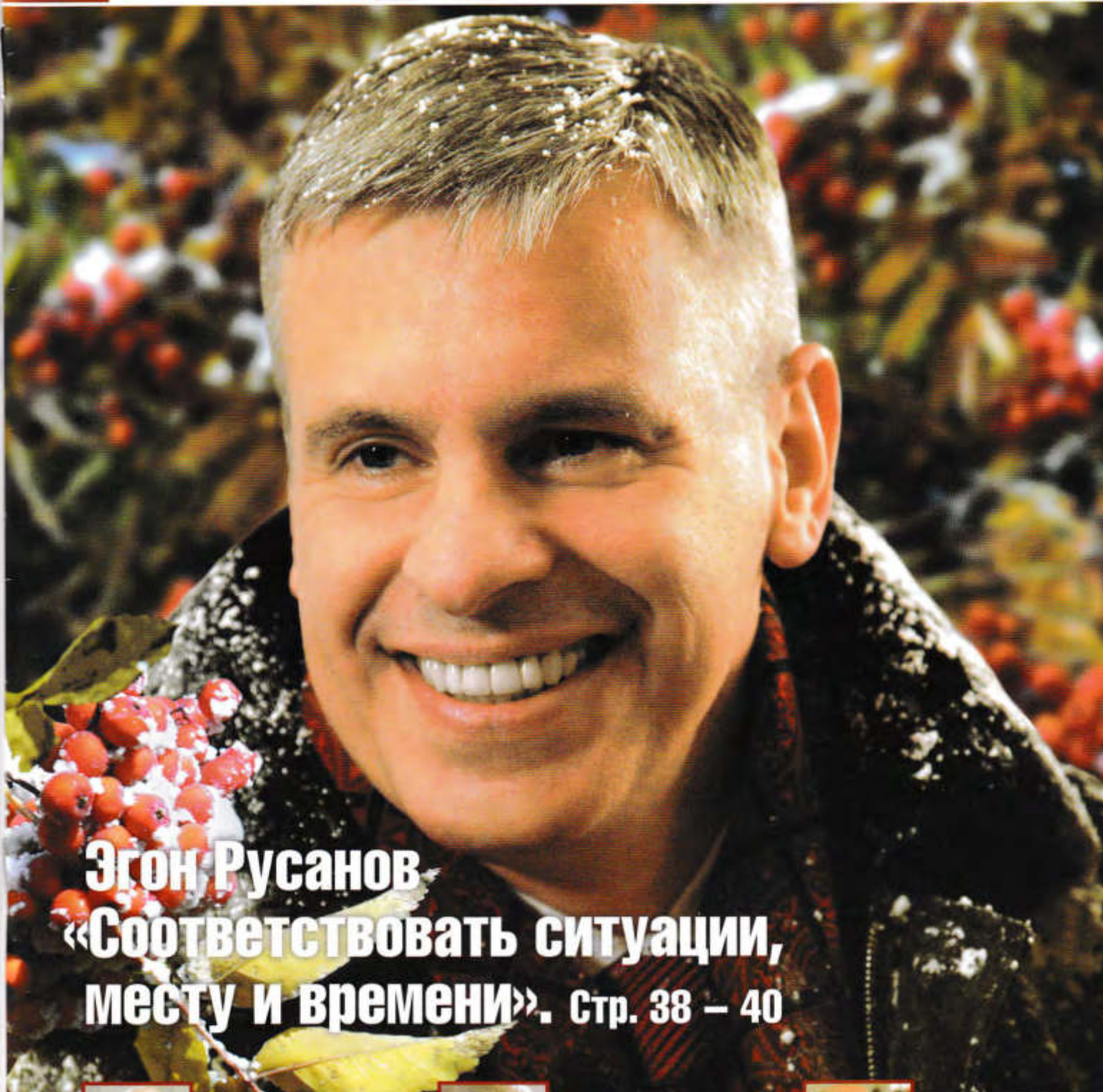

РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

1 | 2009

Эгон Русанов
**«Соответствовать ситуации,
месту и времени».** Стр. 38 – 40

**«Всегда
бороться до конца»**
Стр. 4 – 9

**В зоне
особого риска**
Стр. 10 – 12

**Сквозь призму
страхования**
Стр. 14 – 16

«Адвокатура. Государство. Общество»

Так называлась очередная, пятая, научно-практическая конференция, состоявшаяся в Большом актовом зале Центрального дома ученых Российской академии наук, организованная Федеральной палатой адвокатов РФ совместно с Институтом государства и права АН РФ, Московской государственной юридической академией и Российской академией адвокатуры и нотариата. Один из самых значимых интеллектуальных форумов ежегодно собирает наиболее активную часть адвокатского и научно-юридического сообщества. На этот раз конференцию посвятили обсуждению проблем уголовно-правовой политики РФ на современном этапе.

- ▲ В президиуме конференции
- ▼ В кулуарах

В ней приняли участие президент ФПА РФ Е. Семенов, вице-президенты палаты Г. Резник, Ю. Пилипенко, А. Галоганов, ректор МГЮА В. Блажеев, ректор РААН Г. Мирзоев. В своих выступлениях известные адвокаты заострили внимание коллег на таких важных вопросах, как защита права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве, специфика участия адвоката в предъявлении обвинения. Свой взгляд относительно понятия квалифицированной юридической помощи и особенностей защиты обвиняемого, обусловленных участием адвоката – представителя потерпевшего (юридического лица), озвучили ведущие правоведы-эксперты.

В ходе конференции выступавшие высказали свое мнение о наиболее актуальных проблемах, касающихся деятельности суда присяжных, арестов предпринимателей, обоснованности заключения под стражу, адвокатской тайны, перегибов в борьбе с коррупцией и др.

Наш корр.
Фото Виталия АЛТАБАЕВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Е.В. СЕМЕНЯКО**, председатель редакционного совета, президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- Г.Б. МИРЗОЕВ**, сопредседатель редакционного совета, президент Гильдии российских адвокатов
- А.П. ГАЛОГАНОВ**, заместитель председателя редакционного совета, президент Федерального союза адвокатов России
- В.Ф. АНИСИМОВ**, представитель Совета – вице-президент ФПА в Уральском федеральном округе
- О.Т. АНКУДИНОВ**, начальник управления Генеральной прокуратуры РФ
- Д.П. БАРАНОВ**, президент Адвокатской палаты Ростовской области
- Т.Д. БУТОВЧЕНКО**, президент Адвокатской палаты Самарской области
- В.В. ВИТЯНСКИЙ**, заместитель председателя Высшего арбитражного суда РФ
- Г.А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ**, президент Международного союза адвокатов
- А.Н. ДЕНИСОВА**, президент Адвокатской палаты Ленинградской области
- Л.М. ДМИТРИЕВСКАЯ**, президент Адвокатской палаты Республики Татарстан
- В.С. ИГОНИН**, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов
- В.В. КАЛИТВИН**, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- Н.Н. КЛЁН**, председатель президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов
- Ю.А. КОСТАНОВ**, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов
- П.В. КРАШЕНИННИКОВ**, председатель Комитета Государственной думы РФ по законодательству
- М.В. КРОТОВ**, полномочный представитель Президента России в Конституционном суде РФ
- О.Е. КУТАФИН**, президент Московской государственной юридической академии
- В.Г. КУШНАРЕВ**, президент Адвокатской палаты Хабаровского края
- Ю.С. ПИЛИПЕНКО**, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- В.Н. ПЛИГИН**, председатель Комитета Государственной думы РФ по конституционному законодательству и госстроительству
- В.И. РАДЧЕНКО**, первый заместитель председателя Верховного суда РФ
- Г.М. РЕЗНИК**, президент Адвокатской палаты г. Москвы
- Н.Д. РОГАЧЕВ**, президент Адвокатской палаты Нижегородской области
- В.Г. СТРЕКОЗОВ**, заместитель председателя Конституционного суда РФ
- Ю.Я. ЧАЙКА**, Генеральный прокурор РФ
- В.П. ЧЕХОВ**, президент Адвокатской палаты Краснодарского края
- Г.К. ШАРОВ**, член Совета Федеральной палаты адвокатов РФ
- С.В. ЯСТРЖЕМБСКИЙ**, помощник Президента РФ

Главный редактор **Р.А. ЗВЯГЕЛЬСКИЙ**

Журнал основан в апреле 1995 г.
Гильдией российских адвокатов.

Выходит один раз в два месяца.

Зарегистрирован Комитетом РФ по печати.
Свидетельство № 013485

Адрес редакции:
105120, Москва,
М. Полужарский пер., 3/5
Тел.: (495) 917-7546
Факс: (495) 917-0136
Наш адрес в Internet:
<http://gra.litso.ru/>
E-mail: rosadv@bk.ru

Типография «Реал-Принт»
Тел./факс: (495) 662-6664
www.augustprint.ru

При перепечатке ссылка на журнал
«Российский адвокат» обязательна.

Тираж 10 000 экз.

В НОМЕРЕ

- «Всегда бороться до конца»** 4
Д. Рошаль
- В зоне особого риска** 10
Г. Резник
- Сквозь призму страхования** 14
Ю. Пилипенко
- Мы были первыми** 18
Г. Мирзоев
- Надеюсь вернуться в профессию** 30
В. Пастухов
- Взыскать гонорар?** 32
Н. Навская
- Кургом национальной безопасности** 34
А. Кальшин
- Знаю судьбу** 38
В. Рязанцев

• Видеть перспективы

На заседание Совета Федеральной палаты адвокатов РФ ее президент Е. Семеняко прибыл с VII Всероссийского съезда судей, куда он был приглашен в качестве гостя. Евгений Васильевич акцентировал внимание коллег на выступлении участвовавшего в его работе Президента РФ Д. Медведева, особенно на тех моментах, которые касались правовой помощи гражданам и доступности адвокатских услуг.

Затем Е. Семеняко проинформировал об итогах недавно состоявшейся встречи с министром юстиции А. Коноваловым. Когда обсуждался вопрос об оплате труда адвокатов, участвующих в уголовном деле в качестве защитников по назначению, пояснил Е. Семеняко, министр согласился с тем, что нижнюю планку в 275 рублей нельзя считать приемлемой. И предложил ФПА представить в Минюст для изучения обобщенные статистические сведения по данной проблеме, которые могли бы служить веским аргументом для обращения в Минфин и другие государственные органы власти.

Евгений Васильевич Семеняко обратил внимание участников заседания еще на один чрезвычайно важный аспект деятельности региональных палат. Чтобы у набравших в адвокатском сообществе проблем появилась перспектива положительного их разрешения, сказал он, нужно доводить их до сведения федеральных органов государственной власти в мотивированной, доказательной форме, оперируя не общими фразами о независимости корпорации, а конкретными цифрами и фактами. Адвокатским палатам необходимо регулярно вести статистическую отчетность как по числу адвокатов, участвующих в уголовных делах в качестве защитников, так и по фактической оплате их труда. Кроме того, нужны исчерпывающие данные по объемам ока-

зания адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам и обеспеченности помещениями. Без четкого документирования и наглядных аналитических выкладок трудно вести предметный диалог с представителями органов государственной власти и отстаивать интересы корпорации, подытожил Е. Семеняко.

Вместе с тем именно в адвокатском сообществе уже появились новые формы оказания доступной для граждан правовой помощи, к чему призвал в своем выступлении Президент РФ. В ряде регионов, согласно ст.24 закона об адвокатуре, адвокатскими палатами по представлению органа исполнительной власти субъекта Федерации были учреждены юридические консультации. Своим опытом работы в этом направлении с коллегами поделились руководители адвокатских палат из Удмуртии, Калмыкии и Свердловской области.

После обсуждения плана мероприятий по подготовке IV Всероссийского съезда адвокатов заместитель президента ФПА Г. Шаров рассказал о задачах экспертно-методической комиссии, связанных с подготовкой изменений и дополнений в Устав ФПА и Кодекс профессиональной этики адвоката. А член научно-консультативного совета С. Гаврилов проинформировал участников заседания об использовании в региональных палатах информационно-аналитической системы «Адвокатура».

Несмотря на столь широкий круг вопросов, внесенных в повестку дня заседания, коллеги не только предметно обсудили все запланированное, но и обменялись мнениями по другим волнующим адвокатское сообщество проблемам.

Наш корр.
Фото Виталия АЛТАБАЕВА

● **Победителей ждут награды**

В Адвокатской палате Чувашской Республики финиширует конкурс на лучшее адвокатское производство (досье) по гражданскому делу.

Жюри, возглавляемое президентом палаты Ю. Кручининным, рассматривает только те досье, по делам которых в 2008 году были приняты положительные су-

дебные решения. Адвокаты представили копии исковых заявлений, письменных ходатайств, решений суда первой инстанции, кассационных жалоб, определений суда кассационной инстанции, а также тексты выступлений в процессах и письменные отзывы доверителей. Победители получают денежные призы и дипломы.

— **Памяти первого президента ●**

Международная коллегия адвокатов «Санкт-Петербург» отметила свое 15-летие. В честь этого знаменательного события учрежден памятный знак с изображением Артемия Котельникова.

Артемий Николаевич основал адвокатское объединение в 1993 году, организовав для совместной работы юристов из России и Эстонии. Коллеги преклоняются перед памятью своего учителя и первого президента, продолжают его дело, защищая права и свободы наших граждан. За прошедшие 15 лет состав МКА «Санкт-Петербург» увеличился в 10 раз, сегодня в ней более 600 высококвалифицированных специалистов.

— **Семинары в Кирове ●**

Кировские адвокаты – слушатели курсов повышения квалификации – с большим интересом посетили лекции, организованные Российской академией адвокатуры и нотариата при содействии Федеральной палаты адвокатов РФ.

В первый день семинара доктор юридических наук, профессор МГЮА Л. Масленникова рассказала об актуальных проблемах действующего УПК РФ, а кандидат юридических наук проректор РААН С. Володина – о тонкостях юридической риторики. На следующий день вниманием адвокатской аудитории завладела доктор юридических и филологических наук, профессор МГЮА, академик РАЕН Е. Галишина. Она посвятила свое выступление теме допроса эксперта в судебном заседании и пределах участия в нем специалиста.

● **Впервые в истории нотариата**

В актовом зале Академии адвокатуры и нотариата состоялось торжественное открытие Высших курсов повышения квалификации нотариусов.

С приветственной речью выступил ректор РААН, президент ГРА доктор юридических наук Г. Мирзоев. Он обратил внимание собравшихся на тот факт, что с прошлого года академия стала единственным в стране учебным заведением, где высшее специальное образование могут получить, наряду с будущими адвокатами, и нотариусы. А в преддверии 2009 года для них открылись еще и Высшие курсы повышения квалификации.

Более того, у коллег из Федеральной нотариальной палаты теперь появилась уникальная возможность на базе РААН заниматься научными исследованиями, готовить собственные научно-педагогические кадры, защищать кандидатские или докторские диссертации.

С началом первого учебного года нотариусов поздравили президент Московской городской нотариальной палаты кандидат юридических наук заведующий кафедрой нотариата РААН В. Ралько и член правления палаты доктор юридических наук Г. Черемных.

Леонид РОШАЛЬ:
**«Всегда бороться
до конца»**

Беседа главного редактора журнала «Российский адвокат» Р. А. Звягельского с директором Московского научно-исследовательского института неотложной детской хирургии и травматологии профессором Л. М. Рошалем

Когда-то многие мальчишки мечтали стать летчиками или моряками. Казалось, и он должен был хотеть того же, тем более что родился в семье военного летчика. Много раз ходил с друзьями смотреть фильм «Истребители» с Марком Бернесом в главной роли. Однако судьба распорядилась иначе. Юноша выбрал профессию врача и 50 лет своей жизни посвятил спасению детей.

– В годы Великой Отечественной ваш папа, Михаил Филиппович Рошал, в прошлом детдомовец, командовал авиационной дивизией. Почему же вы, Леонид Михайлович, не пошли по отцовской стезе? Чем привлекла вас медицина, а точнее педиатрия?

– Это была ошибка юности, которая привела к хорошим последствиям. Шучу, конечно. А если серьезно, то я с детства хотел стать врачом. Хотя действительно рос в военных городках, бывал на аэродромах, даже летал с взрослыми на У–2. И все равно мечтал, что когда-нибудь смогу лечить людей. Почему? Ответить сложно. Может, что-то подсказывал внутренний голос.

Когда я пришел подавать документы во 2-й Московский медицинский институт имени Сталина, там было всего два факультета: лечебный и педиатрический. Не раздумывая, выбрал педиатрический. Никаких тестов на предмет того, может ли человек быть врачом, в чем именно ему лучше специализироваться, к сожалению, тогда не проводили.

– Став всемирно известным врачом, вы считаете тестирование необходимым?

– Абсолютно. Настоящий доктор не просто человек, который добросовестно выучил в институте анатомию. Это нечто значительно большее. Он анализирует очень многие, порой мелкие факторы, и только потом ставит диагноз. Быть доктором, значит обладать состраданием, честностью, профессионализмом.

– После землетрясения в Армении в 1988 году вы создали бригаду Международной скорой помощи детям, попавшим в беду. Что подвигло вас к этому?

– Я всю жизнь занимался неотложными состояниями детей. Когда работал в МОНКИ (Московский областной научно-исследовательский клинический институт), организовал центр хирургии новорожденных, куда приезжали со всей области. Консультировать приходилось в различных родильных домах, причем днем и ночью. В области нет, наверное, ни одного хирургического отделения, где бы я ни оперировал за 20 лет работы.

А сразу после окончания института я пошел работать простым участковым педиатром, затем поступил в ординатуру, к замечательному детскому хирургу Станис-

лаву Яковлевичу Долецкому. Когда произошла трагедия в Армении, я уже руководил отделением неотложной детской хирургии и травматологии в Институте педиатрии РАМН. Базой отделения была московская детская больница № 20 им. Тимирязева.

В результате землетрясения в Армении оказалось столько жертв, что было ясно: там остро будет не хватать медицинских работников, и главное – детских врачей. Помощь детям отличается от помощи взрослым. Вот мы и собрали бригаду из медиков, которая выехала туда. В ее состав вошли реаниматологи, нейрохирурги, травматологи, педиатры, общие хирурги, по сути, люди, которые умеют делать все.

С тех пор состав врачей в бригаде практически не изменился. Более 20 раз мы вылетали в районы стихийных бедствий, техногенных катастроф, военных действий. Работали на ликвидации последствий железнодорожной катастрофы под Уфой и взрыва завода в Усть-Каме-ногорске, совершали поездки в зоны боевых действий в Румынии, Югославии, Абхазии, Грузии, Армении, Азербайджане, Израиле и Чечне. Помогали пострадавшим от землетрясений в Египте и Японии, на Сахалине, в Калифорнии, Индии, Афганистане и Турции. Мы были и в Каспийске 9 мая 2002 года, спустя несколько часов после взрыва. Там в результате теракта пострадало много детей, двадцать семь нам удалось спасти. Костяком бригады являются сотрудники нашего НИИ неотложной детской хирургии и травматологии, туда же вошли и врачи бывшей московской детской больницы № 20. Есть одна особенность. Мы все – волонтеры, и за эту работу никаких денег не получаем. Главная награда – это благодарность родителей маленьких пациентов и их самих.

– Что за история произошла с вами в 1995 году в Чечне, когда вас арестовали дудаевцы?

– Да, было дело. Кредо моей жизни: «Помогать детям независимо от национальности, религиозной принадлежности и политических пристрастий их родителей». Во время чеченской войны я работал по обе стороны – федеральной и дудаевской. Как-то через Ингушетню ехали в Урус-Мартан и Очхой-Мартан. По дороге нас и задержали. «Вы кто?» – поинтересовался у меня бородачатый парень. «Детский доктор Рошал. Собираюсь у вас лечить детей». – «Разберемся», – ответил он с издевкой, явно приняв нас за шпионов. К нам в машину сел автоматчик, и в его сопровождении мы направились в Урус-Мартан. В комендатуре или штабе, расположенном в бараке, другой бородач, уже постарше, задал несколько вопросов и стал куда-то звонить. «Мы что арестованы?» – спросил я. «Да» – ответил он. Ожидание затягивалось, ситуация была глупейшая, и я

▲ 1933 г. Мамино тепло

решил вмешаться: «Мы теряем время. Может, пока вы всё выясняете, позвольте нам съездить в больницу?»

Наши охранники переговорили между собой почтенски, посадили в свою машину и повезли в больницу. Картина предстала ужасающая: сплошная антисанитария, нет медикаментов, обезболивающих препаратов... На наше счастье, в коридоре столкнулись с коллегой, который узнал меня: «Здравствуйте, доктор Рошаль. Недавно достал вашу книгу. Спасибо вам».

Что-то сказал нашим охранникам, и те неожиданно нас отпустили.

– *Трагические события в Театральном центре на Дубровке, сложнейшие переговоры с террористами, освобождение заложников. Как вы все это вынесли?*

▼ 1944 г. Рядом – отцовское плечо

– Я не хотел бы много говорить о событиях на Дубровке, ибо с каждым разом возвращаться к ним все сложнее. Перед глазами ясно стоит тот зал, лица заложников, особенно детей. Я видел их живыми, а потом многие из них погибли. Ситуация была жуткая. Террористы несколько раз разрешили мне общаться с заложниками. И я испытал тогда даже некое удовлетворение оттого, что смог обеспечить их полностью медикаментами и различными вторичными материалами. Просил Бараева освободить больных, женщин, детей. Он пообещал выполнить мою просьбу, но обманул.

– *Ваши переговоры с Бараевым проходили под дулом пистолета. Естественно, как любой человек, вы испытывали чувство страха?*

– Нет, не испытывал, потому что понимал, это – работа, и ее нужно обязательно выполнить. У меня была внутренняя уверенность, что меня не тронут, хотя отнеслись они ко мне довольно подозрительно: обыскали, даже отвернули лацканы пиджака, видимо, предполагая найти микроскопические камеры.

– *Говорят, будто по ходу «пъесы» вы там зашили руку боевику. Не помните, кто это был?*

– Я имени у него не спрашивал. Увидел раненого, наскоро оборудовал в туалете некое подобие операционной... Для врача не должно иметь значения, кого спасать. Когда я оказывал ему помощь, в соседнем туалете две девчонки сиганули из окна и бросились бежать к нашим. Им в спину стали стрелять из гранатометов, но промахнулись. Тогда боевики переключили свое внимание на меня, заявив, будто я специально подстроил побег. Тут ответили огнем спецназовцы. Пули щелкали по стенам, но все равно я никаких богов не вспоминал.

– *Несколько лет назад мэр Москвы Юрий Лужков предоставил для вашего Института детской хирургии и травматологии здание в центре столицы. Пока шел ремонт, ваши «доброжелатели» разместили в некоторых СМИ скандальную информацию: «Рошаль – бандит в белом халате, строит рестораны и публичные дома». Что скажете?*

– Эта статья лет пятнадцать назад была опубликована в «Московской правде» и еще в какой-то газете, не помню. Как потом стало известно, за это было немало уплачено. Спрашивается, кому это было нужно?! У мощной нефтяной компании «Гермес» отобрали в центре Москвы 5 тысяч квадратных метров, которые они в свое время «прихватизировали». Эти ребята думали, что раздавят меня, как клопа. Не вышло. Борьба отняла у меня и моих друзей 15 лет жизни, было 27 судов. К счастью, нам помогли многие порядочные люди, причем бескорыстно, в том числе адвокаты, которые тоже работали бесплатно. Я благодарен Правительству Москвы и Юрию Михайловичу Лужкову, всегда нас поддерживавших. У Юрия Михайловича есть помощник – Сергей Иванович Веселовский. Он курировал нас и очень много для нас сделал.

Когда мы получили здание, в котором в свое время размещалась женская тюрьма, а потом предприятие

▲ Награда нашла героя (с А. Пахмутовой)

ВПК, все строения снесли. И возвели на этом месте семизэтажное здание, сделали четыре подземных этажа, а наверху его соорудили вертолетную площадку. Все было выполнено за полтора года. Сейчас мы имеем учреждение мирового уровня, оснащенное самым современным оборудованием и, главное, располагаем блестящими кадрами, лечим детей бесплатно. В год через институт проходит порядка 40 тысяч ребят.

– *Те же «доброхоты» на всех углах вещают, будто у вас ужасный характер. То вы поедом ели бывшего министра здравоохранения Шевченко, и, как только его сняли, со всей непримиримостью накинулись на Зурабова. Это так?*

– Да. Но у меня отнюдь не ужасный характер, наоборот, добрый. Вы задали довольно серьезный вопрос. Уровень здравоохранения в России в 90-е годы резко снизился. Правда, и в Советском Союзе оно было не ахти какое. Но сама структура здравоохранения считалась одной из лучших в мире, а потом произошел развал. Я видел, что наш министр больше думает о себе, чем о здоровье нации. Создает под себя лечебные учреждения, закупает туда дорогостоящее оборудование. Одним словом, практически не занимается профессиональными делами. А так, Шевченко в общении очень милый человек, хорошо и красиво говорит, но многое из того, что он делал на посту министра, мягко говоря, нам было непонятно.

– *В 2005 году по распоряжению Президента России В. Путина вы вошли в состав Общественной палаты*

РФ и возглавили Комиссию по вопросам здравоохранения. Поговаривают, якобы это дало вам возможность убедить руководство страны убрать со своего поста ненавистного народу М. Зурабова?

– Зурабова сняли не с моей подачи, а убрал его скорее народ, ибо такое негативное отношение, которое было к нему у людей, еще надо поискать. Я же просто выражал мнение народа российского. Мне только непонятно, почему он до сих пор остается советником Президента РФ. Что он может посоветовать?

– *Вместо Зурабова пришла Татьяна Голикова. Не хотел же выглядеть сентиментальным, но для меня глаза человека – это на 90 процентов отражение его внутреннего содержания. Когда по телевидению показывают заседания Правительства РФ, и камера наезжает на эту красивую женщину, я вижу ее глаза, и у меня возникает доверие к ней. А у вас?*

– Скажу так: если она даже ничего заметного не сделает, но сумеет добиться увеличения финансирования на здравоохранение, будет замечательно. А его структуру все же должны выстраивать специалисты-медики. Голикова правильно говорит, что в 1997 году у нас существовала определенная концепция развития этой отрасли, но она не подкреплялась материально. Вот Татьяна Алексеевна и пытается под эту концепцию выбить реальные средства. Если это удастся, их нужно будет использовать с максимальной пользой (главное, чтоб не разворовали), проблем же много: снижение смертности, инвалидности,

▲ Дела государственные (с В. Путиным)

заболеваемости, проблемы профилактики и реабилитации... Очень важно, чтобы часть этих средств пошла на профилактику заболеваний у детей, подростков, людей репродуктивного возраста – надо улучшать демографию.

Голиковой сейчас очень трудно. Она много работает и, по сути, всецело принадлежит этой работе, но не в состоянии все успеть. Считаю, она должна быть вице-премьером и курировать то, что сегодня возглавляет. Нынешнее министерство следует разделить на два: Министерство здравоохранения и медицинской промышленности и Министерство социального развития и труда. Кстати, такие предложения уже высказывались в Общественной палате, в Совете Федерации и представителями партии «Единая Россия».

Что касается нашего будущего министра, то у нас 80 с лишним регионов, и на этот пост при желании можно найти прекрасного практика, который смог бы возглавить все российское здравоохранение, который не разрушал бы, а созидал. Больного человека хлыстать не надо – он и сам помрет. Так и наше здравоохранение. Сейчас оно чуть-чуть меняется в лучшую сторону, но хотелось бы, чтобы национальная программа «Здоровье» начала набирать обороты. Но может ли она кардинально решить все проблемы? Конечно, нет.

На встрече в Высшей школе экономики довелось слушать немца – руководителя страховой компании, который учил нас, как ориентироваться в современной обстановке. Когда он закончил выступление, я спросил: «Скажите, пожалуйста, ваша система здравоохранения могла бы существовать, если бы финансировалась на 3,6 процента от внутреннего валового продукта?» Ответ был коротким: «Ни за что».

– Вы как-то сказали, если на лечение у больницы нет денег, это фашизм. Что имели в виду?

– Под этой фразой я имел в виду прежде всего квоты на высокотехнологичные, дорогостоящие операции. К примеру, операции на сердце, лечение онкологических больных. Представьте, какому-нибудь сердечно-сосудистому центру дают определенное количество квот, под которые выделены соответствующие деньги. Квот может быть 500, а учреждение в состоянии провести 1500 операций (количество больных всегда есть), а вот денег, чтобы профинансировать из госбюджета эти «лишние» операции, нет. Что остается пациенту? Умирать? По логике, для чего нужны квоты? Чтобы регулировать потоки больных, чтобы не было у врачей перегрузок. Допустим, институт в Санкт-Петербурге может провести столько-то операций. Пожалуйста, вот вам нужное количество квот. В Новосибирске – в два раза меньше, ему и квот соответственно меньше.

– Как, на ваш взгляд, обстоит дело с медицинскими кадрами в России? Их достаточно?

– Это «больной» вопрос. И на селе, и даже в столице не хватает кадров. Везде большая потребность в анестезиологах, реаниматологах, травматологах, нейрохирургах. А это, между прочим, те, от кого зависит порой жизнь человека.

Раньше после окончания института выпускников распределяли по различным регионам страны. Я сам в свое время, как уже говорил, был направлен участковым педиатром, и ничего плохого в этом не вижу. А теперь у нас – вольница. Шесть лет учатся за государственный счет, а когда закончат вуз, то он не имеет права куда-либо их направить. К тому же 30 и более процентов вы-

пускников вообще не идут работать в здравоохранение. Мы что, такие богатые люди? Считаю, эту систему надо в корне менять и вернуться к распределению выпускников. Иначе в ближайшие 10 лет мы не сможем восполнить нехватку медицинских работников.

– Некоторые ваши коллеги считают, что введение обязательного медицинского страхования значительно усложнило им жизнь. Ваше мнение?

– Глупость. Сейчас для федеральных учреждений пытаются внедрить новую систему оплаты труда. Извините, но я не понимаю, что это такое, и никаких преимуществ по сравнению с сегодняшней не вижу. Я работаю в системе ОМС, нам платят за каждого пролеченного больного, и потому мы заинтересованы в интенсивности своего труда. Так что эта система оплаты нас устраивает. Деньги из ОМС идут на питание больным, приобретение лекарств, мягкого инвентаря, заработную плату. Все остальное оплачивается из бюджета: электричество, вода, отопление, текущий ремонт... И это хорошо. Восемнадцатиградусная шкала нам не мешает. Есть возможность совершенствоваться и зарабатывать деньги. Но нужно, чтобы в шкале с 1-го по 18-й квалификационный разряд врачей были иные цифры зарплат. В частности, сегодня в Москве по 1-му разряду, низшему, ставка – 5020 рублей, а по 16-му и 17-му – около 20 000 рублей. Если бы по всей стране увеличили объективно тарифы, то лучшего пути повышения заработной платы и качества работы нет.

У нас всегда пытаются ломать Россию через колено. В этом случае я говорю, возьмите одно учреждение, всего одно, введите новую систему оплаты, и пусть она, к примеру, действует шесть месяцев. Потом спросите у людей, хорошая она или плохая? А то, боюсь, что все получится, как с «монетизацией» льгот. И знаете, откуда ноги растут? Все от того же Зурабова. Так и хочется сказать: дело его живет и...

– По ходу нашей беседы вы затронули очень важный вопрос – профессионализм врача. В связи с этим хочу с вами поделиться, что недавно познакомился с удивительным человеком – главным врачом 24-й городской клинической больницы Москвы Владимиром Борисовичем Александровым. Вот где профи! Ему – 77, но он в прекрасной физической форме и многим молодым коллегам даст фору. Ежедневно оперирует, причем самых тяжелых больных. Успевает пестовать молодых врачей, много сил отдает административной работе. Полгода назад он

прооперировал больного, от которого отказались все больницы: 74 года, слепой, рак прямой кишки 4-й степени, почки – на диализе. Александров спас этого человека. Скажите, какой шкалой оценить его труд?

– Я знаю Владимира Борисовича и очень его люблю.

– В той же 24-й больнице случайно услышал реплику, брошенную одним из докторов: «У нас в стране очень высокая смертность. В год умирают 600–700 тысяч человек, а рождается значительно меньше. При таком здравоохранении не нужна война – сами выйдем». Вы согласны с коллегой?

– Согласен, он озвучил цифры официальной статистики.

– В Нидерландах закон об эвтаназии легализован в 2001 году, в Бельгии – в 2002-м. В свое время ваш руководитель Долецкий предлагал: если от инвалидов детства, в том числе даунов, или детей с отключенным сознанием отказались родители, их следует умерщвлять инъекцией. Вы тоже так считаете?

– Я – против, несмотря на то что почитаю своего учителя Долецкого. Понимаете, когда видишь, что пациент

безнадежен и нужно прекратить реанимацию, то это очень сложно морально. И вся бригада врачей, участвующая в операции, всегда борется за его жизнь до конца. Казалось бы, по всем показателям мозг не функционирует, но я еще ни разу не сказал: «Поговорите с родителями, скажите, что их ребенок не жилец, отдайте его органы другому». Не могу такое произнести, потому что не знаю, что будет завтра, как далеко шагнет наука. Если говорить о взрослом больном, он нередко хочет уйти из жизни не потому, что больше не в силах терпеть боль, а чаще из-за того, что чувствует себя обузой для окружающих. Значит, мы обязаны сделать все, чтобы он этого не ощущал.

– Признаюсь, Леонид Михайлович, заканчивая нашу беседу, испытываю двоякое чувство. С одной стороны, оптимизм, который вы в меня вселили, и я вам бесконечно за это благодарен. С другой – какую-то тревогу. Почему-то именно сейчас всплыли строки Некрасова:

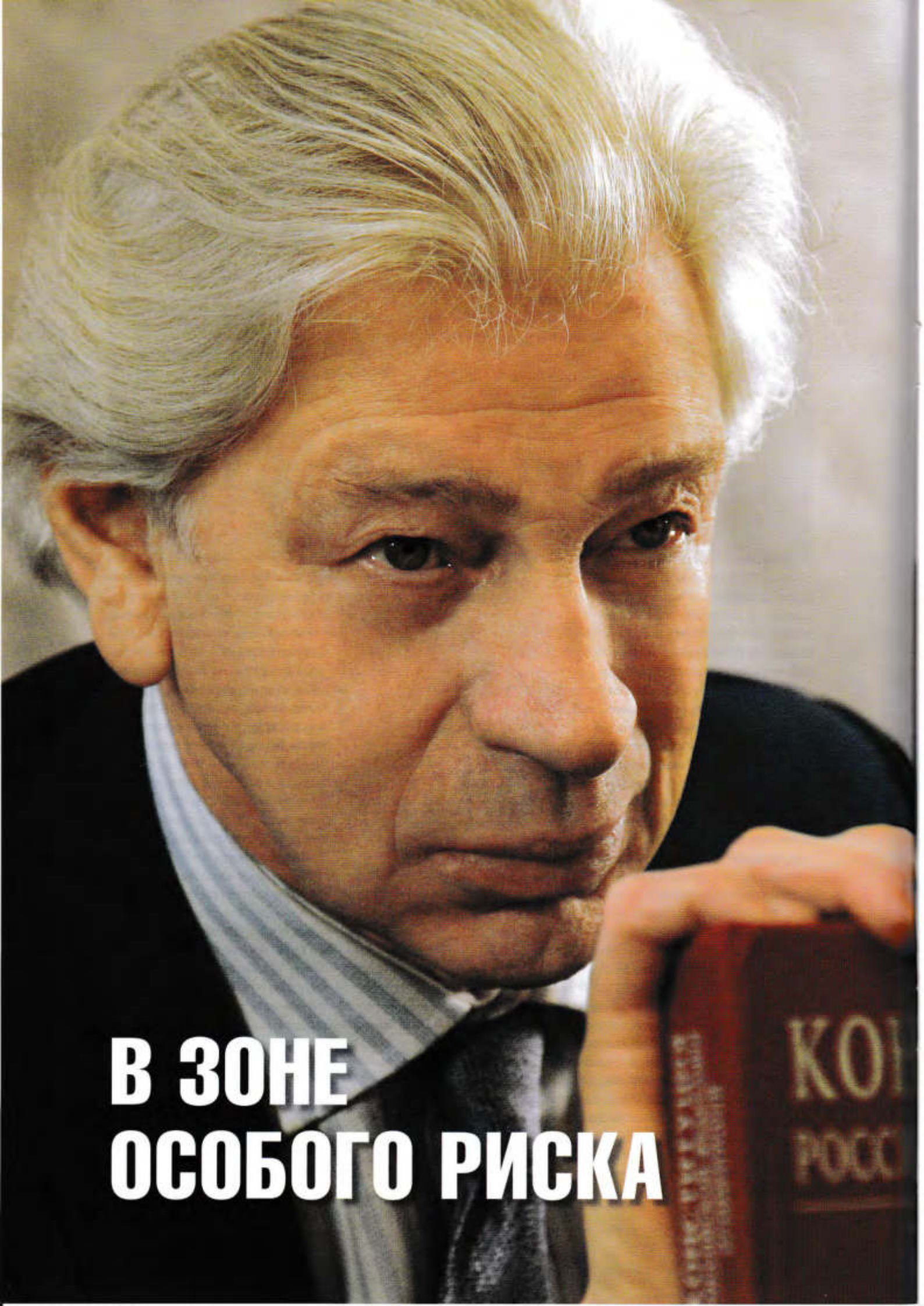
*Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придется – ни мне, ни тебе...*

– Во что верите, доктор?

– В разум.

▲ Малыш будет жить

**В ЗОНЕ
ОСОБОГО РИСКА**

Для профессиональной деятельности адвоката главное, чтобы не препятствовали его активной работе и не покушались на предусмотренные для него законодательные гарантии. Какие же нарушения адвокатских прав нужно оценивать как воспрепятствование его законной деятельности и как этому противостоять?

Генри РЕЗНИК,
президент Адвокатской палаты Москвы,
руководитель комиссии по защите
профессиональных прав адвокатов
Совета ФПА РФ

Чаще всего на адвоката стремятся оказать давление, с тем чтобы «выдавить» его из дела, где активная и принципиальная защита нежелательна. Делается это в виде попыток допросить адвоката в качестве свидетеля по делу, в котором он участвует, либо в связи с обстоятельствами, которые стали ему известны при оказании юридической помощи по другим поручениям. Однако еще в 90-е годы Конституционный суд РФ своим известным определением расставил все точки над «i», а впоследствии это повлекло за собой изменения в законах. Так если в УПК РСФСР запрещалось допрашивать адвоката об обстоятельствах, которые стали ему известны только при осуществлении защиты, то нынешний УПК РФ не допускает допрашивать адвоката об обстоятельствах, которые стали ему известны при оказании любой юридической помощи. Потому что его отношения с клиентом строятся на доверии, и это охраняется адвокатской тайной, которая абсолютна и бессрочна. Однако по сей день попытка допросить адвоката – излюбленная форма воспрепятствования его деятельности. После аналогичного инцидента в 2003 году с одним известным московским адвокатом совет нашей палаты вынес повергшее в шок наших процессуальных противников решение, которым запретил участвующим в деле адвокатам являться на допрос. Как показало время, этот экстравагантный шаг оказался полезным.

Основная нагрузка по защите прав адвокатов ложится на региональные палаты, эту обязанность на них прямо возлагает закон об адвокатуре. И надо заметить, когда где-то адвоката вызывают на допрос под угрозой привода и уголовной ответственности, местные комиссии и палаты реагируют на беззаконие довольно оперативно. На чем обычно ловятся неопытные адвокаты, которые не желают давать показания? Им предлагают оформить свой отказ протоколом и соответственно расписаться в нем. Делать этого ни в коем случае нельзя (что бы гневно не заявлял в нем адвокат), процессуальный документ под названием «Протокол допроса» в деле будет существовать. Таким способом нарушители адвокатских прав достигают цели. Мы, например, советуем адвокатам не являться на такие вызовы, а если явятся, то ни в коем случае никакой отметки на протоколе допроса не должны ставить. Вместо этого

нужно написать жалобу прокурору или в суд с просьбой отреагировать.

Другая форма посягательств на адвокатские права связана с обысками в адвокатских офисах. Здесь надо иметь в виду следующее. Закон об адвокатуре предусматривает возможность обыска в адвокатских офисах и выемку документов *только по решению суда*, а в УПК РФ этой оговорки нет. Поскольку следственные органы считают приоритетным УПК, то до недавних пор проводили обыски без санкции суда. После одного из таких набегов в офис адвокатской фирмы «Юстина» мы обратились с жалобой в Конституционный суд, который разъяснил, что при расхождении двух равноправных законов применять нужно тот, который предоставляет наибольшие гарантии, то есть закон об адвокатуре.

Но здесь уместно упрекнуть и суды, которые с легкостью дают разрешение, когда к ним обращаются с ходатайством о производстве обыска в адвокатском офисе, поскольку затем нарушения следуют одно за другим. Нигде не указывается, какие конкретно предметы и на какой период времени могут быть изъяты. Как правило, из компьютера адвоката на неопределенный срок изымают жесткий диск, где хранится вся информация, включая досье и документы по совершенно другим делам, что фактически лишает его возможности работать со всеми остальными клиентами. К перечисленным нарушениям можно добавить и личные обыски адвокатов, что зачастую случается в СИЗО. Тут уместно вспомнить дело О. Артюховой, когда без всяких оснований к адвокату залезли в папку, где находился план мероприятий по данному делу. Причем такие нарушения не исчезают, а значит, на них должны реагировать адвокатские палаты субъектов РФ и Федеральная палата адвокатов. Справедливости ради надо сказать, что отдельные адвокаты – далеко не безупречные люди. И не всегда извещают комиссии и палаты, что в отношении них правоохранительные органы действуют недружественно, ибо понимают: рыльце у них в пушку.

Но, когда мы прекращаем статус по компрометирующим основаниям, эти случаи всегда исключительные. Безусловно, мы признаем очевидные нарушения, но это не значит, что адвоката нужно сразу отлучать от профессии, поскольку есть и другие меры дисциплинарного воздействия.

Самая тяжелая ситуация с защитой адвоката возникает, когда речь идет о привлечении его к уголовной ответственности. Иммунитета, как вы понимаете, тут нет. В зависимости от характера нарушений варьируются и меры по защите. Бывают случаи, когда в отношении адвоката

возбуждается дело и проводятся следственные действия без заключения суда. Или, например, ему предъявляют обвинение по делу, возбужденному по другому факту и т. д. На такие прямые нарушения закона должны сразу же реагировать совет палаты и комиссия по защите профессиональных прав, которые уже действуют в половине субъектов РФ. Совсем иная ситуация, когда все процессуальные формальности соблюдены, но очевидно, что адвоката привлекают незаконно и необоснованно. В этом случае, конечно, наши возможности ограничены, потому что напрямую никто не может вмешиваться в следственные действия.

Но я всегда письменно уведомляю правоохранительные органы о том, что дело в отношении того или иного адвоката находится на контроле у президента палаты. Как показывает опыт, это предотвращает нарушения законности в процессе расследования. Но в моей практике бывали вопиющие случаи. По некоторым делам, очень неприятным в плане нарушений прав адвокатов, которые имели бы последствия для корпорации, я брал ордера и уже как адвокат вступал в дело, потому что защищать иначе было невозможно. Вообще за время пребывания в адвокатуре мне довелось защищать аж 11 адвокатов! Сейчас, например, коллег весьма успешно защищает член совета нашей палаты адвокат Р. Зиновьев.

Теперь о том, кто из адвокатов находится в зоне особого риска. Те, кто оказывает юридическую помощь корпоративным клиентам, специализируются в области налогового, договорного права. Особенно остро стоит вопрос об использовании поддельных документов (ч.3 ст.327 УК РФ). Поскольку отношения адвоката с клиентом строятся на доверии, согласно норме Кодекса профессиональной этики, он не должен проверять достоверность предъявленных ему документов. С одной стороны, если клиент передал адвокату документ, а тот оказался поддельным, адвокат не должен нести ответственности. Но с другой – необходима и определенная техника безопасности. Как

профессионал, адвокат в состоянии разглядеть, что этот документ сомнителен. А если так, обнаружившуюся «загвоздку» лучше обсудить с клиентом. В противном случае адвокат вступит на весьма зыбкую почву. Если клиента будут привлекать, а он сошлется, мол, адвокат советовал, то и в отношении коллеги возникнет реальная угроза, ибо в уголовном праве граница между понятиями «осознавал» и «не осознавал» чрезвычайно тонкая.

Или рассмотрим такую ситуацию. Допустим, адвокат оказывает помощь какой-то организации и выставляет обобщенный счет на оплату за выполненную работу. В качестве вознаграждения ему продолжительное время перечисляют довольно солидные суммы. И вдруг в организации произошел конфликт, поменялся руководящий состав юридического лица. Нередко возглавившие его новые люди, стремясь уничтожить своих предшественников, подают в правоохранительные органы заявление о том, что никакая юридическая помощь предприятию не оказывалась, а деньги перечислялись за работу, которую никто не делал, дескать, таким путем прежним руководством деньги отмывались и делились. К слову, это одна из самых распространенных схем мошенничества за рубежом. Поражает другое. Выясняется, что адвокат не может обосновать, что выставленные им в счете на оплату затраченные часы были им действительно отработаны. Это лишний раз подтверждает: каждый свой шаг, каждое действие при выставлении счета нужно фиксировать и иметь подтверждающий документ.

В затруднительном положении оказался и один из наших высококвалифицированных коллег, на которого написали заявление в прокуратуру. К слову, должен в этом случае адвокат давать показания? Безусловно, так как в отношении него фактически выдвигаются обвинения. И сейчас у коллеги есть единственная возможность детально обосновать все, что поставлено под сомнение. В гражданско-правовой сфере, когда договор заключен с физическим лицом, такой проблемы не бывает. Когда же финансовые отношения возникают с юридическим лицом, она вполне возможна, ибо речь идет не о личных, а о корпоративных деньгах. Однако и в таких ситуациях комиссии и советы палат должны оказывать адвокатам содействие.

Задача нашей комиссии, действующей при Совете ФПА РФ, обобщение информации. До конца года она поступает к нам по каждому случаю нарушения прав адвокатов. Предварительное ознакомление с материалами позволяет сделать вывод: по сравнению с прошлым годом наблюдается тенденция к росту таких нарушений. Поэтому необходимо принимать меры и использовать все возможности, предоставляемые нам правовой системой. Мы положительно оцениваем работу комиссий по защите прав адвокатов общественных объединений, в том числе Гильдии российских адвокатов. Хотя у них нет тех полномочий, какие есть у палат, им по силам предпринять шаги, чтобы попавшего в беду коллегу защищал достаточно компетентный адвокат, чтобы расследование дела проводилось беспристрастно.

Рис. Софья Бестужевой

НУЖНА РЕВИЗИЯ ЗАКОНОВ

На очередное заседание научно-консультативного совета Федеральной палаты адвокатов РФ, где обсуждались проблемы уголовно-правовой политики РФ и ее социальные последствия, были приглашены представители Госдумы, судейского корпуса, Уполномоченного по правам человека в РФ, работники правоохранительных и научных учреждений, мэтры российской адвокатуры – С. Ария, Г. Падва, Г. Резник, Ю. Костанов и др. Президент ФПА Е. Семеняко поприветствовал собравшихся и передал слово докладчику – первому заместителю председателя Верховного суда в отставке В. Радченко. Оценивая динамику роста судимости в нашей стране (за последние 16 лет почти четверть мужского населения прошла тюремные университеты), он назвал ее критической. Это сказывается на социальной структуре общества, демографии и даже обороноспособности страны. Тезис о том, что стратегия борьбы с преступностью требует усиления карательной практики судов, ошибочен, ибо дает обратные результаты.

Нынешний Уголовный кодекс, считает В. Радченко, отличается чрезмерной жесткостью. По степени общественной опасности целый ряд деяний относится скорее к административным проступкам, однако трактуются они как уголовные преступления. Кроме того, наша карательная практика отличается и непомерно длительными сроками лишения свободы. И потому целесообразно было бы ряд составов преступлений перевести из категории тяжких в категорию средней тяжести. В законе необходимо определить четкие условия, при которых осужденный может условно-досрочно выйти на волю, а во избежание коррупции – снизить элемент «усмотрения» администрации в местах заключения и судей. Что

касается судебной практики, то лишение свободы следует расценивать как крайнюю меру.

Вместе с тем, по мнению докладчика, надо ужесточить ответственность за умышленное лишение жизни человека при квалифицирующих обстоятельствах, выделив те из них, при которых без всякой альтернативы должно назначаться пожизненное лишение свободы.

О том, как воплощается уголовно-правовая политика в законодательстве, рассказала депутат Госдумы Т. Москалькова. «К сожалению, нам нечем гордиться, – сказала она. – Между провозглашенной в стране уголовно-правовой доктриной повышения уровня гарантий прав граждан и измененным в июне 2007 года УПК РФ образовался значительный разрыв. Из-за утраты прокурорского надзора и сращивания следственного и оперативного-розыскного аппарата вдвое увеличилось число заключенных под стражу. Вот почему необходимо вновь вернуться к проблеме и внести соответствующие поправки в ст.37 УПК РФ и Федеральный закон «О прокуратуре РФ».

Обмениваясь мнениями по поводу действующего уголовного законодательства, участники заседания единодушно пришли к выводу о необходимости его ревизии и кардинальной реконструкции. На фоне дискуссии о факторах, влияющих на уголовно-правовую политику, необычайно ярко прозвучало выступление председателя Московского областного суда в отставке С. Марсановой. Она обратила внимание на то, что заниматься вопросами такой политики должен орган, который будет ее проводить.

Елена БАСКАКОВА,
спецкор «Российского адвоката»
Фото Марины САМАРИ, пресс-служба ФПА

СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТРАХОВАНИЯ

В переходных положениях самого первого Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» содержалась норма о том, что с 1 января 2007 года адвокаты подлежат обязательному страхованию риска своей профессиональной ответственности перед доверителями. Специального закона, который бы регулировал эту обязанность адвокатов, пока нет. А поскольку проблема не снята, рано или поздно придется ее решать. И пока этим не обеспокоилось государство, адвокатскому сообществу необходимо проявить инициативу, то есть наполнить своим идеологическим и интеллектуальным содержанием будущий закон.

Юрий ПИЛИПЕНКО,
вице-президент
Федеральной палаты адвокатов РФ

Сейчас не столь важно, кому из авторов документа пришла идея исключить указанную норму в разрабатываемый тогда закон. Возможно, эта норма стала своеобразным отсроченным во времени обязательством адвокатуры взамен куда более жесткого регулирования, которое государство могло бы применить по отношению к нашей деятельности. В ту пору адвокатура находилась в стадии организационного становления, и потому вполне естественно, что вопрос о страховании в повестку дня не ставился. Этим в перспективе должна была заняться рабочая группа, созданная при Совете ФПА РФ.

Предстояло провести исследование, изучить, насколько часто доверители жалуются на адвокатов, как рассматриваются заявления граждан, обращаются ли они в суд? В итоге мы увидели довольно любопытную картину. Как вы понимаете, судебный иск к адвокату – это всегда событие, которое не остается незамеченным. Не считая буквально пары случаев, оказалось, что претензий к адвокатам в виде исков нет. А в поступавших в региональные адвокатские палаты заявлениях граждан содержались примерно одинаковые жалобы, мол, взял адвокат деньги за работу и ничего не сделал. К слову, иногда такие жалобы приходят и к нам, однако по закону ФПА РФ не правомочна заниматься их разбирательством, это компетенция адвокатских палат в субъектах РФ, которые вправе возбудить дисциплинарное производство. Граждане чаще всего жалуются не в суд, а в адвокатские палаты, где мы и наблюдаем парадокс. Почему-то встретившись у дверей квалификационных комиссий, адвокаты и их доверители сразу же находят общий язык, и конфликт разрешается сам собой. Как говорится, в гражданско-правовом порядке.

На основании этих исследований двухлетней давности рабочая группа пришла к выводу, что материальные взаимоотношения между адвокатами и их доверителями еще не достигли того уровня, когда закон о страховании жизненно необходим. Выяснили мы и то, что появление обязательного страхования профессиональной ответственности адвокаты воспринимают как дополнительное финансовое обременение, что по-человечески вполне понятно. Вряд ли кого воодушевила перспектива платить из своих гонораров какие-то суммы. Итак, мы понимали, что острой необходимости в таком законе вроде бы и нет. Выяснили и не слишком положительный настрой на страхование самих адвокатов. Вместе с тем пришло и другое осознание: если не делать ничего, то наличие этой законодательной нормы в неизменном виде может стать поводом для преследования адвокатов. Если исходить из буквального смысла закона, получалось, что страхование адвокатов – одна из их обязанностей, которую они просто-напросто не исполняют, начиная с 1 января 2007 года. И неважно, не застраховался адвокат добровольно или по причине отсутствия специального закона – уже по одному

этому поводу, сугубо формальному, можно было теоретически ставить вопрос о лишении его статуса.

Чтобы как-то урегулировать ситуацию, два года назад Совет ФПА принял решение, в котором выразил свое понимание данной нормы. В качестве временной меры желающим этого адвокатам предложили заключать договоры добровольного страхования, но вместе с тем указали на недопустимость возбуждения дисциплинарных производств в отношении тех, кто такие договоры не заключил. При этом Совет ФПА проинформировал адвокатов о позиции налоговых органов, согласно которой расходы на добровольное (а не обязательное!) страхование не признаются профессиональными вычетами. Согласитесь, в этом документе была логика.

Дальнейшие наши действия привели к принятию Госдумой поправки депутата А. Макарова в закон об адвокатуре. Теперь из смысла прочтения всех его норм вытекает необходимость разработки и принятия специального закона, регулирующего обязательное страхование адвокатов. Разумеется, внесением этой поправки проблеме предстоящего страхования мы не сняли, а всего-навсего отсрочили. Выступая на ежегодной конференции, где присутствовали все члены Совета ФПА и президенты региональных адвокатских палат, я задал коллегам вопрос: можно ли на этом поставить точку и дожидаться, когда Правительство РФ вынесет на рассмотрение парламентариев свой законопроект? Допускать, что в ближайшей перспективе оно об этом не задумается, значит действовать на авось, ибо события могут развиваться совершенно по другому сценарию.

Отсюда возникла идея самим подготовить проект закона и найти способ инициировать его через депутатов или Правительство РФ. В этом случае есть шансы, что наши интересы будут учтены в большей степени, нежели когда пустим ситуацию на самотек. Подготовленная прежней рабочей группой концепция законопроекта заключалась в том, чтобы минимизировать финансовые отчисления на обязательное страхование адвокатуры, условно говоря, до 1000 рублей в год с каждого адвоката. А те, кто хотел бы участвовать в бизнес-проектах, где страхование адвокатской ответственности является необходимым условием, могли бы добровольно заключать договоры на любые суммы. Но тут возникает один важный момент, связанный с налогообложением адвокатов, о котором уже упоминалось выше. По общему правилу, расходы на обязательное страхование признаются профессиональными вычетами, на добровольное – нет. Для кого-то это важно, для кого-то – не очень, кто-то из адвокатов показывает большие гонорары, кто-то – нет, но мы должны исходить из реальной ситуации и учитывать, что обязательное страхование уменьшает налогообложение.

По нашей просьбе опытные страховщики подготовили модель законопроекта. И я попросил бы отнестись к нему как к черновому варианту, предназначенному для работы, потому что основная его ценность – наличие изложенного на бумаге текста. Согласитесь, наш корпоративный стиль отличает умение говорить, а сформулировать вы-

сказанные мысли в письменной форме – несколько иная специфика, не часто мы друг друга балуем реальными документами. И в этом направлении, полагаю, мы сделали серьезный шаг – подготовили вариант документа и направили его представителям ФПА в федеральных округах с просьбой организовать на местах его обсуждение. Забегая вперед, скажу: когда начал вчитываться в текст, появился соблазн поставить вопросы едва ли не рядом с каждой статьей. Потом подумал, что этого делать не стоит, ибо в проекте изложены прописные истины с точки зрения страхового дела и не учтены тонкости адвокатской профессии. Вот почему на данном этапе нам крайне важно получить отклики с мест, и не обязательно положительные. Пусть адвокаты выскажут мнение, поспорят, предложат что-то свое, ибо до них доведена канва.

На мой взгляд, основная проблема в ходе обсуждения законопроекта заключается в специфике адвокатской деятельности, которую трудно «привязать» к перечню конкретных страховых рисков, то есть к предполагаемому событию, на случай которого проводится страхование. Или иначе: что следует считать материальным ущербом, причиненным страхователем в результате непреднамеренных ошибок и упущений? Главная сложность в том, что деятельность адвоката в значительной степени регламентирована уголовным, гражданским или арбитражным процессом, Кодексом профессиональной этики. Уже сейчас очевидно, что страхование предстоит соотносить с положениями закона, но не только.

Еще есть различия внутри самой адвокатской деятельности – между адвокатом, который работает с доверителем по гражданскому делу, и тем, кто выступает защитником в уголовном процессе. Именно это, как мне

Пока есть еще некоторый запас времени, чтобы серьезно задуматься над проблемой, которую рано или поздно все равно придется решать.

кажется, станет камнем преткновения в будущем законе. И вот почему. Допустим, адвокат пропустил срок подачи кассационной жалобы в гражданском деле, там его ошибка очевидна. Если будет доказано наличие материального ущерба, можно говорить об ответственности, обращении к страховой компании и т. д.

Иначе выглядит ситуация в уголовном процессе, где адвокату дано право заявлять ходатайства. Как известно, коллеги используют различную тактику ведения защиты. Представители консервативной школы, в частности, собирают, фиксируют все огрехи следствия – ждут суда. Но в некоторых случаях адвокат сознательно не заявляет ходатайства о чем-либо, что, по его мнению, может трактоваться в пользу подзащитного. Он ведет, как ему кажется, правильную игру, позволяя следствию еще больше за-

путаться. Однако с точки зрения закона вырисовывается иная картина: адвокат имел право заявить ходатайство, но не воспользовался им, пусть даже в интересах подзащитного. Как рассуждать в этой ситуации, если формально ошибка все-таки допущена? И ошибка ли это? Ответа на этот вопрос я, к сожалению, пока не знаю.

Или возьмем другой серьезнейший пласт – бесплатную помощь, оказываемую в уголовном процессе по назначению. Кто в этом случае должен выступать страхователем: государство или адвокат? Если по закону помощь защитника оплачивает государство, оно и должно участвовать в страховании ответственности адвокатов, которых приглашает. Логично, не правда ли?

На мой взгляд, в законопроекте упущен самый важный момент: кто же станет определять страховые тарифы? По ОСАГО, например, ставки определяет Правительство РФ, по обязательному медицинскому и пенсионному страхованию они установлены законом. С точки зрения сиюминутной выгоды может показаться заманчивой мысль установить сумму в размере 1000 рублей в год, но в этом случае можно попасть под оперативное регулирование. И не факт, что для адвокатского сообщества оно станет более выгодным.

Необходимо затронуть еще один аспект. В адвокатской среде родилась мысль организовать общество взаимного страхования, когда адвокаты сами создают некоммерческую структуру по типу «больничной кассы». Она будет собирать страховые взносы, решать вопросы ответственности адвоката и выплаты компенсаций за причиненный ущерб. Теоретически такое возможно, поскольку уже принят закон о взаимном страховании. Идея сама по себе неплохая, но мое личное ощущение – это путь для раздоров среди адвокатов. В этом юридическом лице должен быть большой штат сотрудников, обрабатывающих огромное количество бумаг, бухгалтерия, директор, офис... Это что касается центрального аппарата, но тогда и в региональных адвокатских палатах придется создавать филиалы, потому что страховые случаи должны определяться на местах. Представляете, каким финансовым бременем это ляжет на адвокатов, как отразится на размерах взносов?!

Понимая, что процесс обязательного страхования адвокатов неуклонно движется к логическому завершению, нам необходимо в нем участвовать, чтобы законопроект, который появится, был инициирован адвокатским сообществом, и не с точки зрения законодательной техники, а идеологически и интеллектуально. И в этом смысле представленный законопроект – один из начальных этапов, где вопросов сегодня гораздо больше, чем ответов. Мы направили законопроект в регионы и ждем реакции с мест.

ОТ РЕДАКЦИИ. В статье поднята серьезнейшая проблема, которая в перспективе коснется каждого адвоката. И потому предлагаем вам, уважаемые читатели, обсудить ее на страницах «Российского адвоката». Присылайте ваши предложения, высказывайте свое мнение, даже если оно не совпадает с мнением автора публикации.

ВСТРЕЧА НА ДНЕПРЕ

В Киеве состоялась первое заседание Международного научно-экспертного совета адвокатуры. Гостей, коллег в Каминном зале Академии адвокатуры встречала ректор доктор юридических наук Татьяна Варфоломеева – президент Союза адвокатов Украины. Нашу страну представляла там советник президента ФПА РФ Светлана ВОЛОДИНА. Вот что она рассказала:

– Чтобы объединить усилия, направленные на повышение роли адвокатуры и престижа нашей профессии, украинские коллеги еще в 2007 году провели неформальные консультации с известными адвокатами из других государств. К участию в МНЭС, статус которого обсуждался в первый день, были приглашены друзья из всех государств – бывших союзных республик Советского Союза. Отозвались почти все, но приехать смогли представители адвокатских сообществ из Узбекистана, Казахстана, Прибалтики и России.

Выступавшие отмечали, что законодательство об адвокатуре в их государствах принималось в одно и то же время – в 90-е годы XX столетия, и потому на него оказали влияние и «Закон об адвокатуре в СССР», и международные конвенции о правах человека. Они сошлись во мнении, что принятые на постсоветском пространстве законы гарантируют каждому право на квалифицированную юридическую помощь. Коллеги рассказывали о том, каким образом в их странах осуществляется адвокатская деятельность, как решаются вопросы о субъекте оказания правовой помощи, адвокатской тайне, страховании профессиональной ответственности адвоката, дисциплинарной практике и т.д. В ходе заседания были сформулированы экспертные заключения по важнейшим вопросам деятельности адвокатуры – организационным основам ее незави-

симости, проблемам взаимодействия с государством, реализации профессиональных прав. Выяснилось, что во всех странах к старым нерешенным проблемам постоянно прибавляются новые. В частности, большую тревогу у украинских коллег вызывает проект закона, в котором деятельность адвоката рассматривается как предпринимательская. Поднятые на заседании МНЭС проблемы, бесспорно, требуют дальнейшего осмысления и широкого обсуждения на международном уровне. А итогом этого станут согласованные рекомендации парламентам, правительствам и международным организациям.

– Хорошо, что мы собрались вместе, – сказала, прощаясь, президент Союза адвокатов Украины Татьяна Викторовна Варфоломеева. – Нас радуют победы и волнуют проблемы друг друга, границы нас не разъединили. Хочется надеяться на новые встречи профессионалов.

Гасан МИРЗОЕВ,
 президент Гильдии российских адвокатов,
 доктор юридических наук, профессор

МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Незаметно бежит время. В марте исполнится 20 лет со дня образования коллегии адвокатов «Московский юридический центр», чей уникальный практический опыт положил начало новому направлению, которое сейчас называется бизнес-адвокатурой. А проблемы, связанные с оказанием правовой помощи субъектам предпринимательства, стали предметом исследования моей кандидатской, затем докторской диссертации.

Еще в конце 80-х, окунувшись в практику государственного арбитража, я понял: систему рассмотрения споров между хозяйствующими субъектами нужно менять. В эпоху директивного перехода предприятий на хозрасчет и самоокупаемость их руководители шли, можно сказать, потоком за консультациями в арбитраж, однако тому запрещалось давать какие-либо советы или рекомендации. Но и адвокатов, которые могли бы в те времена консультировать по экономическим вопросам, не было. Как государственный арбитр Москвы, я понимал: долго так продолжаться не может. И уже в марте 1989 года мной было предложено создать в Москве Государственный юридический центр правовой помощи предприятиям по предупреждению правонарушений (Госюрцентр) при Мосгорисполкоме. Тогда, после принятия решения исполкомом Моссовета, впервые в истории пока еще советской страны юридическую помощь субъектам нарождающегося предпринимательства начала оказывать государственная юридическая структура нового типа, руководителем которой я был утвержден тем же решением исполкома Моссовета.

Нам удалось собрать уникальную команду специалистов, работавших до этого юрисконсультами различных предприятий, прекрасно знавших гражданское право и владевших практикой тогдашнего арбитража. Участвуя в создании первых акционерных обществ, банков, многое приходилось осваивать с нуля: новые формы документов, бланки договоров... Работавшая при Мосгорисполкоме комиссия не могла зарегистрировать в столице ни одной новой организации без согласования с нами. Так Мосгосюрцентр, по сути, стал форпостом новой адвокатуры.

Когда идею ее создания впервые озвучил в 1992 году Н. Федоров, возглавлявший в то время Министерство юстиции, мы серьезно задумались. С одной стороны, Мосгосюрцентр обладал всеми полномочиями действовавшей тогда адвокатуры, за исключением одного – ведения уголовных дел. Но у нас и без того работы хватало. С другой стороны, между предпринимателями возникали споры, в стране уже начали работать арбитражные суды. Но невозможно, защищая интересы бизнеса, выступать оппонентом государства, находясь в его структуре! И потому следующим логичным шагом для нас стал выход из-под контроля государства. То событие, когда решением

правительства Москвы госструктура была преобразована в коллегию адвокатов «Мосюрцентр» с сохранением правопреимства Госюрцентра, можно считать уникальным. В течение полугодия аналогичные центры правовой помощи предприятиям были созданы в 43 субъектах РФ, которые спустя некоторое время тоже преобразовали в коллегии адвокатов. И я не открою секрета, если без ложной скромности скажу: бизнес-адвокатура начиналась с нас.

В те годы развернулась масштабная приватизация хозяйствующих субъектов, когда целые коллективы предприятий становились собственниками компаний. И процесс перераспределения собственности проходил не везде гладко, многие восприняли его достаточно болезненно. Наши специалисты Б. Соловьев, О. Юдина, А. Баканов и другие занимались серьезными проектами по оказанию юридической помощи субъектам предпринимательства целых регионов.

В то время между арбитражными и судами общей юрисдикции нередко возникали проблемы, связанные с разграничением подведомственности. Чтобы парализовать деятельность некоторых акционерных обществ путем наложения запрета на проведение общего собрания, совершение сделок и т. д., суды общей юрисдикции нередко использовались миноритарными акционерами – физическими лицами. Иными словами, когда нужно было вывести спор из подведомственности арбитражного суда, в состав его участников включался гражданин. При этом в арбитражном суде уже могло находиться дело по иску юридического лица, что приводило к тому, что оба суда выносили противоположные решения по одним и тем же вопросам. Мне и моим коллегам приходилось порой не раз распутывать сложнейшие хозяйственные споры.

Таким образом, «Мосюрцентр» можно назвать уникальной кузницей кадров с колоссальным опытом защиты интересов народившегося предпринимательства. Эта ежедневная будничная работа велась параллельно с немалыми сложными организаторскими усилиями по объединению адвокатуры, результатом которой стало создание Гильдии российских адвокатов, олицетворившей собой объединение новых коллегий адвокатов в корпорацию, ориентированную на осуществление защиты и представительства субъектов рынка. Было создано не просто профессиональное объединение, а, по сути, новая адвокатура.

С тех пор прошли годы. Появилось новое законодательство, но правовых проблем у предпринимателей меньше не стало. В их защиту наши адвокаты успешно провели десятки дел по спорам, возникающим с налоговыми и другими государственными органами. Примечательно, что в одном из своих выступлений Президент РФ Д. Медведев призвал чиновников и правоохранительные органы перестать «кошмарить» бизнес.

Вместе с тем предприниматели все чаще сталкиваются с таким видом преступных действий, как рейдерство, что свидетельствует об очередном переделе коммерческой собственности. Используя «черные» схемы поглощения предприятий, рейдеры, например, предоставляют в налоговые органы подложные документы о смене собственника и тем самым получают возможность совершать сделки по отчуждению имущества. Чтобы завладеть юридическим лицом и его активами, они инициируют искусственные задолженности, а затем и банкротство предприятия, неправосудные решения судов на основании надуманных исковых требований, фальсифицированных доказательств, мнимого представительства в суде интересов поглощаемого предприятия.

Широко распространены и схемы поглощения с использованием преднамеренного банкротства предприятия, которое совершается путем сговора с его руководством или акционерами. Затем по мизерной цене оно скупается рейдерами или подконтрольными им компаниями, а после чего «оздоравливается» и продается уже по рыночной стоимости. Но как выяснилось, в настоящее время у рейдеров появились куда более изощренные технологии манипулирования законом. Мошенники всеми правдами и неправдами изготавливают фальсифицированные судебные решения, а также иные, в том числе регистрационные документы на право собственности.

Адвокатам хорошо известны приемы, препятствующие законному рассмотрению дел арбитражными судами, когда рейдеры и потворствующие им судьи используют исключительно процессуальные средства. В частности, злоупотребляя возможностями регламента арбитражных судов, рейдеры инициируют и втайне от законного руководства и акционеров проводят по фальсифицированным доверенностям под видом корпоративных споров несколько междособойных судебных разбирательств, одновременно представляя в суде истца и ответчика.

Аналогичные рейдерские методы распространяются все шире, а эффективных способов противостоять им выработано еще недостаточно. И потому на сегодняшний день единственное, что может предотвратить манипуляции с лазейками в законе, это своевременная антирейдерская юридическая помощь адвоката, свободно ориентирующегося как во всем многообразии правовых вопросов того или иного бизнеса, так и в тончайших нюансах нынешнего арбитражного судопроизводства. Только высококвалифицированный специалист сможет подсказать, что нужно делать для предотвращения захвата собственности. А если его элементы уже всплыли на поверхность, примет практические меры, для того чтобы в судебном порядке добиться признания сделок недействительными, и параллельно обратится в правоохранительные органы о привлечении виновных «захватчиков» к уголовной ответственности.

В настоящее время адвокаты – члены нашей коллегии «Московский юридический центр», специализирующиеся на антирейдерстве, выделены в структурное подразделение, а их опыт широко распространяется на занятиях Высших курсов повышения квалификации, созданных ФПА РФ при РААН.

ЭКЗАМЕН НА СОВМЕСТИМОСТЬ

Джина выпустили из бутылки – адвокатское сообщество во всю обсуждает законопроект «Об оказании квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации». Мнения самые полярные. Одни предрекают ему печальный финал, объясняя, что многие его положения противоречат Закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Другие, наоборот, считают законопроект прогрессивным и своевременным. Редакция решила вынести мнения о новорожденном постулате на суд читателей и дать высказаться и тем, кто – «за», и тем, кто – «против».

Александр МУРАНОВ,
управляющий партнер коллегии адвокатов
«Муранов, Черняков и партнеры»

РАЗРЕШИТЕ ВОЗРАЗИТЬ

Громче всех звучит критика в адрес законопроекта тех адвокатских лидеров, кто в работе над ним не участвовал. Чтобы ни у кого не создалось ложного впечатления, напомню, законопроект посвящен именно той юридической помощи, которая оказывается на профессиональной и постоянной основе. Иными словами, каждый от случая к случаю может просить своего знакомого или родственника сходить в суд и выступить там, написать юридический документ и т.д. Но это не должно давать права такому знакомому или родственнику, которые не отвечают необходимым квалифика-

ционным требованиям, налево-направо предлагать за плату свои юридические услуги. Учитывая особую значимость проблемы бесплатной юридической помощи, законопроект на нее не распространяется, ибо она, на наш взгляд, должна регулироваться отдельным законодательным актом. Чтобы позволить продолжать заниматься оказанием юридических услуг сотрудникам различных коммерческих организаций, им предоставляется право, если они отвечают необходимым квалификационным требованиям, получить статус адвоката в упрощенном порядке.

Жаль, что многие участвующие в обсуждении коллеги, находясь под действием эмоций, в суть проблемы не вникают. Неужели кто-то всерьез полагает, что успешно сдавший экзамен и получивший статус адвокат в одночасье станет квалифицированным специалистом-практиком? Дело, мне кажется, совершенно в ином. Нужно создать механизм, который предотвратит ситуацию, когда юридическую помощь предоставляют неквалифицированные субъекты. Надо в законном порядке получить право лишать такой возможности недобросовестных лиц. Разве нормально, когда услуги ветеринарные или автостоянок регламентируются отдельными нормативно-правовыми актами Правительства РФ, а юридические услуги вообще никак не регулируются?

Для меня, в частности, смысл законопроекта состоит не только в его внутринациональном аспекте, связанном с укреплением той части российской адвокатуры, которая оказывает услуги бизнесу, но и в международном измерении. Речь идет о защите национальной сферы оказания юридических услуг после вступления России в ВТО, укреплении роли российских адвокатов на международном уровне и создании предпосылок для успешного участия России в геополитической конкуренции. И своей позиции я никогда не скрывал.

Можно понять возражения против законопроекта со стороны различных правозащитных фондов, кото-

рых фактически лишают возможности зарабатывать деньги. Понятны настроения и российских коммерческих организаций, ибо нынешняя вольница их вполне устраивает, и в адвокатуру с ее ограничениями и кодексом этики они вовсе не стремятся. Объяснимо и неприятие законопроекта иностранными юридическими фирмами, высказывающими опасения о грядущей у нас «адвокатской монополии». Но рассуждать об этом нелепо, так же как нелепо говорить, например, о существовании в России монополии лиц с правами управлять автомобилями.

Парадокс в том, что противниками законопроекта выступают заметные в нашем сообществе фигуры. Одни обиделись на то, что с ними «не посоветовались», другие испугались конкуренции со стороны юристов, которые могут быть приняты в адвокатуру в упрощенном порядке. Третьи просто возражают, может, из духа противоречия, а может, из желания представить свое «особое» мнение. Некоторые ориентируются на пассивное большинство, а кое-кто, чего греха таить, получает заказы от иностранных юридических компаний... Но самое забавное – никто из критиков не в состоянии в качестве альтернативы предложить какой-либо иной приемлемый вариант законопроекта!

На самом деле в ходе работы над законопроектом подробно обсуждались самые разные подходы к урегулированию оказания юридической помощи в стране. Можно ничего не предпринимать, наблюдая, как адвокатура «варится в собственном соку», а коммерческие структуры, особенно западные юридические фирмы, продолжают набирать обороты, доминируя на внутреннем и международном рынках юридических услуг, обретая все большие геополитические преимущества. Другой вариант: сломать сложившееся в России регулирование, а вместо него создать мегаюридическую саморегулируемую организацию, в которую впоследствии войдут в качестве отдельных составных частей адвокатура, нотариат, патентные поверенные и субъекты предпринимательской деятельности. Кроме того, используя уже действующий Федеральный закон «О саморегулируемых организациях», можно создавать любое их количество по территориально-национальному признаку.

Есть и третий путь: не ломая действующей системы, постепенно превратить в крупнейшее образование российскую адвокатуру, в котором захотят состоять все, кто оказывает юридические услуги на профессиональной основе. Но для начала, на основе уже действующих механизмов, можно ввести на уровне закона квалификационные требования для тех, кто в силу профессии занимается оказанием таких услуг.

Повторю, все эти варианты широко и детально обсуждались самым серьезным образом. И только потом, несмотря на определенные недостатки, пред-

почтение было отдано последнему из них. Потому что он наиболее выгоден для России как с внутривнутриполитической точки зрения, так и с позиции ее участия в международной конкуренции. Нашей стране уже давно пора задуматься о том, чтобы объединить своих юристов в мощную корпорацию, продвигающую и защищающую отечественные экономические интересы на международном уровне. Вопрос в другом, насколько к этому готовы российские чиновники?

И что бы ни говорили противники о нарушении законопроектом права на свободу экономической деятельности, документ полностью соответствует Конституции РФ. Так в Постановлении Конституционного суда от 23 января 2007 г. № 1-П прямо указано на то, что федеральный законодатель вправе принять специальный закон о порядке и условиях реализации права на квалифицированную юридическую помощь.

Кроме того, в законопроекте заложен и серьезный экономический смысл, потому что успешное экономическое развитие нашей страны невозможно без полноценного урегулирования сферы юридических услуг. Если исходить из стратегической задачи превращения Москвы в международный финансовый центр, то нельзя допустить, чтобы решение в нем юридических вопросов было отдано на откуп иностранным юридическим фирмам. Разве можно представить себе ситуацию, чтобы власти Великобритании или США допустили доминирование в Сити или на Уолл-стрит иностранных юридических компаний?

А принятие закона с точки зрения налогового регулирования было бы для государства благом. Ни для кого не секрет, что сегодня коммерческие организации и предприниматели стремятся применять упрощенную систему налогообложения, для того чтобы платить в бюджет 6-процентный налог. Но «упрощенка» недоступна адвокатам, которые вынуждены платить как минимум 15 процентов. Есть разница? Законопроект выгоден для России и с точки зрения валютной политики, ибо поможет устранить дисбаланс во внешней торговле юридическими услугами.

Вполне нормальная ситуация, что законопроект вызывает столь противоречивые эмоции. Это продиктовано различными подходами коллег к деятельности адвокатуры. Одни стремятся вывести ее на более высокий уровень и реализовать на практике требования Конституции РФ и международные стандарты, другие хотят оставить ее в нынешнем, прямо скажем, далеко не блестящем состоянии, ибо мыслят, извините, недальновидно.

Со стратегических позиций права и будущего России в международном плане, с точки зрения установления баланса между интересами общества, государства и отдельных субъектов предлагаемый законопроект логичен и не должен был бы вызывать принципиальных возражений.

Сергей ПЕПЕЛЯЕВ,
управляющий партнер адвокатского бюро
«Пепеляев, Гольцблат и партнеры»,
кандидат юридических наук

ИГРА НЕ ПО ПРАВИЛАМ

Когда законопроект обсуждался в Совете Федерации, я открыто высказывался «против», ибо в проекте четко прослеживаются две идеи, которые мне не нравятся: загнать всех юристов в адвокатуру и не допустить на российский рынок иностранцев.

Для юристов есть совершенно разные сферы деятельности. У обслуживающих население адвокатов – своя экономика и свои интересы. А у юристов, работающих с бизнесом, согласитесь, другая экономика и иные интересы. Адвокатура в ее нынешних организационно-правовых формах не соответствует задачам и потребностям крупного бизнеса и развития экономики. Она исторически формировалась для оказания индивидуальных услуг гражданам, а не массовых услуг бизнесу. Большинство людей судит об адвокатуре по отдельным состоятельным и успешным столичным адвокатам, чьи имена на слуху. Но их не так много. А основная масса – это представители из регионов, российской глубинки, которые еле-еле собирают свои гонорары с того населения, которое обслуживают. Что произойдет, если эти две

принципиально разные сферы деятельности юристов искусственно соединить? Последствия от принятия такого закона могут быть губительными.

Представьте, что в адвокатуру с численностью около 70 тысяч человек вольются еще примерно 300 тысяч юристов из фирм с большим экономическим потенциалом. Надо ли говорить, что бюджеты таких коллективов намного превышают бюджеты целых палат. Вполне возможен сценарий, когда сначала произойдет перераспределение постов, а затем переоценка ориентиров и тех задач, которые в настоящее время выполняются адвокатскими палатами. Если бизнес-адвокаты вольются в них, то постараются для достижения каких-то своих корпоративных интересов использовать палату как общественную организацию. Чтобы она стала таким инструментом, была весомой и работоспособной, ей нужна финансовая подпитка. А этого можно добиться лишь путем значительного увеличения взносов с адвокатов, многие из которых окажутся не в состоянии их уплачивать. Таким образом, можно вызвать полный коллапс в обслуживании населения традиционными адвокатами.

Законопроект проникнут патетикой заботы о потребителе (клиенте, доверителе). Его авторы ссылаются на массу «серых» юристов, оказывающих некавалифицированные услуги, от которых доверителям одни беды. Однако звучит это бездоказательно. У нас в стране юристов в 4,5 раза больше, чем адвокатов. Почему же так развилась сфера неадвокатских юридических услуг? Потому что адвокатура, к сожалению, не смогла адекватно ответить на вызванные временем экономические потребности. Ни одно традиционное адвокатское образование, поскольку строится по принципу собирания индивидуальностей, по объективным причинам изначально не может участвовать в сопровождении крупных бизнес-проектов, где требуется четкая армейская дисциплина и вертикальное подчинение.

Чтобы работать с крупным бизнесом, юридическая команда должна формироваться не по принципу набора «звезд», а по правилам коммерческой фирмы. Где есть собственники и наемные работники, отношения подчиненности, там есть и возможность выстроить процесс и организовать большой коллектив, команду для выполнения четких поручений. Поскольку это было нельзя реализовать в рамках адвокатуры, появились юрфирмы, не являющиеся адвокатскими образованиями, но соответствующие современным потребностям экономики. Вероятно,

в адвокатской среде возникли своего рода опасения, что эти фирмы тоже захотят создать какое-нибудь крупное общественное объединение юристов-неадвокатов, которое будет противостоять Федеральной палате адвокатов РФ, и первенство в сфере юридических услуг будет устранено. Но отчасти это надуманные вещи.

Авторы законопроекта утверждают: Конституция РФ гарантирует каждому квалифицированную юридическую помощь, а ее, мол, могут оказывать только адвокаты. Однако нужно понимать, что речь в этой норме идет о помощи в рамках уголовного, а не гражданского или арбитражного процесса. Законодатель не требует, чтобы там представительство исключительно адвокат. Но даже касательно уголовного процесса Конституционный суд РФ в одном из своих определений признал неправильным заставлять всех его участников (речь шла о потерпевшей стороне) пользоваться услугами только адвоката. Ну а чем, к примеру, досконально владеющий гражданским правом юрист хуже адвоката? В любом случае государство оставляет право выбора за доверителем.

И потому мне несимпатична сама идея – загнать всех юристов в адвокаты. Их, что, в очередь на экзамен на пару лет поставить? И чтобы эти 300 тысяч человек не слишком бунтовали, авторы законопроекта предложили им «пряник» в виде автоматического наделения адвокатским статусом. По задумке разработчиков, такая норма поможет хотя бы отчасти сгладить острые углы. На мой взгляд, если у кого-то есть желание или задача расширить рамки адвокатуры, для начала надо сделать ее привлекательной настолько, чтобы юристы-неадвокаты стремились вступить в нее. Само адвокатское сообщество позиционируется как оазис свободоловобия, и откуда только стремление железной рукой загнать всех в счастье? (Что-то похожее нам знакомо, не правда ли?) Причем загнать в старые организационно-правовые формы адвокатских образований, которые не смогут оказывать бизнесу адекватных правовых услуг.

Сейчас по налоговому законодательству адвокаты оказывают юридическую помощь без налога на добавленную стоимость (НДС). Это льгота хороша, когда услуги оказываются гражданам, то есть физическим лицам, потому что на эту сумму уменьшается цена, которую должен уплатить доверитель. Крупным юридическим фирмам, которые несут большие хозяйственные расходы на аренду помещений, транспорт, связь, обучение персонала, поставщики выставляют счета с учетом НДС. В свою очередь юридическая фирма предъявляет счета клиентам-компаниям тоже с учетом НДС. Проще говоря, если крупная юрфирма станет адвокатским образовани-

ем, она лишится возможности брать НДС с потребителей услуг. И, чтобы рассчитаться со своими поставщиками, будет вынуждена изымать эти суммы из чистой прибыли, что сразу же ударит по ее доходности и финансовой стабильности. Таким образом, освобождающая от НДС льгота нужна адвокатам, но в ней абсолютно не заинтересованы крупные юридические фирмы, чей экономический интерес тоже нельзя игнорировать.

Кроме того, разработчики обеспокоены свободным доступом иностранных юристов на наш рынок, что особенно скажется после вступления России в ВТО. Они заявляют, если, мол, до этого времени не принять закона, ограничивающего доступ иностранным юристам, Россия потеряет рынок. Но мы уже работаем в рынке, где, конечно, есть конкуренция и мозгов, и навыков. Но она-то как раз и подхлестывает нас учиться и участвовать в международной юридической жизни, принимать действующие в

Чтобы работать с крупным бизнесом, юридическая команда должна формироваться не по принципу набора «звезд», а по правилам коммерческой фирмы.

мире стандарты обслуживания клиентов. И потому, думаю, рано еще списывать со счетов присутствующих в стране иностранных юристов.

На мой взгляд, у законопроекта нет перспектив, ибо он страдает явными идеологическими противоречиями. Непонятно, кого же на самом деле пытаются защитить разработчики? Если во главу угла ставятся интересы доверителя, тогда и защищать их нужно буквально по всем позициям. Если же в основе законопроекта лежит корпоративный интерес адвокатского сообщества, то такая серьезная игра требует совершенно иных подходов и правил. Только в этом случае потребуются кардинальный пересмотр тех принципов, на которых выстроена вся система нынешней адвокатуры. Пусть косвенно, законопроект предлагает от них отказаться. А последствия от таких инициатив, повторю, могут быть губительными, прежде всего для традиционных адвокатов, оказывающих услуги населению регионов. Они экономически не выдержат условий, которые будут им диктовать финансово окрепшие бизнес-адвокаты. Это – реальность, с которой не считаться нельзя.

Виктор БУРОБИН,
президент адвокатской фирмы «Юстина»,
кандидат юридических наук

НЕ ПРЯТАТЬ ГОЛОВУ В ПЕСОК

Как один из участников разработки проекта закона «Об оказании квалифицированной юридической помощи», разъясню свою позицию и те мотивы, которыми мы руководствовались.

Провозглашая, а главное, гарантируя право на получение именно квалифицированной юридической помощи, государство, естественно, должно определиться в понятии «квалифицированная» и обеспечить условия для подготовки юристов. В частности, оно вправе устанавливать квалификационные требования и стандарты для допуска юристов к занятию такой деятельностью. К каждому, кто намерен заняться частной юридической практикой, должны предъявляться единые, установленные законом требования. Тогда их доступ на рынок будет одинаковым, что особенно важно для обеспечения конкурентной среды в нашей отрасли на этапе вступления России в ВТО. Такие стандарты сегодня содержатся в законе об адвокатуре, и она, на мой

взгляд, со временем объединит всех отечественных юристов, оказывающих правовые услуги на профессиональной основе.

Но у нас в стране сложилась ненормальная ситуация, когда фактически одинаковая юридическая помощь неопределенному кругу граждан и организаций предоставляется двумя большими группами: адвокатами и предпринимателями. А государственное регулирование деятельности тех и других имеет неоправданные различия. У юристов-предпринимателей она нормативно никак не регулируется. Аналогичная ситуация и с иностранными юристами, оказывающими в нашей стране правовые услуги. Для них тоже нет никаких квалификационных требований, даже по отношению к знанию русского языка и российского права. Это не только не соответствует интересам государства, но и ставит в невыгодное положение отечественных юристов, к которым за рубежом всегда предъявляются чрезвычайно жесткие требования.

В настоящее время государство, накладывая на адвокатуру серьезные ограничения и обязательства, почти ничего не предлагает взамен. Посмотрим, какими же привилегиями наделен адвокат? Он имеет право собирать доказательства, участвовать в предварительном следствии и Конституционном суде, на него распространяется адвокатская тайна и весьма сомнительные льготы при налогообложении. Вот, собственно, и все. Вместе с тем в силу самых разных причин доступ адвокатуры на юридический рынок затруднен. Мой опыт работы в совете Адвокатской палаты Москвы свидетельствует о том, что юристы-цивилисты не стремятся стать адвокатами.

Поскольку квалифицированная юридическая помощь является публичной функцией, то в соответствии с международными стандартами она должна осуществляться представителями независимой юридической профессии. А необходимым условием обеспечения ее качества служит контроль самоуправляемой профессиональной ассоциации. Суть предложенного законопроекта как раз и состоит в необходимости законодательного урегулирования порядка оказания в нашей стране квалифицированной юридической помощи. И решать проблему можно по-разному. Например, оставить за адвокатами преимущественное право заниматься уголовными делами, а остальных юристов в соответствии с уже действующим законом объединить в саморегулируемые организации, в которых для них будут уста-

новлены единые требования. А можно принять всех юристов, которые намерены оказывать правовые услуги неопределенному кругу лиц, в адвокатское сословие. Второй путь мне кажется наиболее предпочтительным.

Каждому юристу, отвечающему определенным требованиям, нужно предоставить право стать адвокатом. Тогда и искусственное разграничение юристов, занимающихся частной практикой, на адвокатов и неадвокатов отомрет само собой, как со временем исчезло разделение адвокатских коллегий на «традиционные» и «параллельные». Так не лучше ли объединить всех юристов вокруг адвокатуры, нежели толкнуть их в саморегулируемые организации вне адвокатских образований? В противном случае на одной территории мы получим, наряду с адвокатскими, еще и юридические палаты. Это, к сожалению, уже произошло в Екатеринбурге, где создана Уральская правовая палата.

Нет смысла бояться переходного периода, который займет некоторое время, когда юристов, отвечающих требованиям, наделят адвокатским статусом без сдачи квалификационного экзамена. Справедливости ради, вспомним недавний собственный опыт. Шесть лет назад по новому Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» нас всех приняли в сообщество без экзаменов, и никакого умерщвления духа адвокатуры или погребения ее основ не случилось! И этот законопроект не направлен на умаление достижений, которые приобрела адвокатура за последнее время. Он лишь структурирует правовой рынок юристов-предпринимателей и обеспечит равные с юридическими компаниями, в том числе зарубежными, условия доступа к нему адвокатов, работающих в области хозяйственного права. Не ломая сложившейся системы деятельности и структурирования адвокатов, занимающихся уголовными делами, нужно создать условия для адвокатуры, обслуживающей предпринимательство.

Во всем мире происходит так называемая индустриализация сферы услуг. По мнению одного из западных адвокатов, требования современного стиля жизни, давление клиентов, конкуренция и приоритетный статус потребителя услуг привели к тому, что адвокаты переняли у предпринимателей некоторые их привычки и обычаи. И неудивительно, что работа адвокатов рассматривается как обычная услуга, поэтому организационно она должна соответствовать обычным принципам работы коммерческой структуры. В США, Великобритании, Австралии, Голландии все юристы, которые намерены оказывать юридическую помощь неопределенному кругу лиц, являются адвокатами, а сами адвокатские фирмы выстроены на партнерских отноше-

ях между адвокатами как простые хозяйствующие субъекты.

России сегодня требуются разноплановые адвокаты и их конкурентоспособные объединения. И потому именно адвокатские фирмы, наряду с аудиторскими и консалтинговыми, могут стать костяком инфраструктуры обслуживания всех отраслей предпринимательства. Хотим мы того или нет, нашей стране нужен индустриальный рынок адвокатских услуг. И потому руководители адвокатского сообщества должны создать условия для появления крупных адвокатских образований, которые сначала на отечественном рынке, а в перспективе и за рубежом смогут на равных конкурировать с западными коллегами.

И наконец, законопроект не рождался ни тайно, ни келейно. Серьезный разговор на эту тему состоялся еще два года назад в ходе «круглого стола» «Адвокатские услуги в сфере предпринимательской

В стране сложилась ненормальная ситуация, когда фактически одинаковая юридическая помощь неопределенному кругу граждан и организаций предоставляется адвокатами и предпринимателями.

деятельности», организованного ФПА РФ в Санкт-Петербурге. Несколько раз эта серьезнейшая проблема обсуждалась как в ФПА, так и в Совете Федерации. Поэтому незачем пугать друг друга призраками прошлого, а лучше поискать ответы на многие вопросы внутри нашего сообщества.

Недопонимание рыночных принципов экономики, межличностные конфликты в адвокатской среде привели к тому, что принятый закон об адвокатуре оказался половинчатым. В части, касающейся юридического обслуживания предпринимательства, он не в полной мере отвечает современным условиям хозяйствования. Но нельзя же так долго прятать голову в песок, не замечать и не изучать те новые проявления в адвокатуре, которые могут существенно продвинуть нашу отрасль вперед. Безусловно, нужен разумный консерватизм, без крайностей и бездумной ломки того, что выработано предыдущими поколениями адвокатов. Но если мы хотим видеть адвокатуру, способную в современных условиях обслуживать нашу промышленность, надо многое осознать и сделать.

Алексей ГАЛОГАНОВ,
 президент Федерального союза адвокатов России,
 президент Адвокатской палаты Московской области

В ПЛЕНУ БЛИЗОРУКИХ АМБИЦИЙ

Я, наверное, позже всех ознакомился с этим законопроектом, потому что не участвовал в его разработке. Конечно, заслуживает внимания идея, что квалифицированную юридическую помощь будут оказывать только адвокаты. И мы никоим образом не можем возражать против этого. Но, к сожалению, документ страдает серьезными недостатками как с точки зрения законотворческой техники, так и смыслового содержания. Разумеется, в том варианте, в котором его предлагают, он не может быть принят.

Прежде всего, поражает то, что законопроект обходит молчанием главный вопрос: о бесплатной юридической помощи, который сегодня обсуждается на всех уровнях, что вызвано необходимостью ее оказания населению. Мы помним, как в порядке эксперимента были созданы государственные бюро, общественные приемные... В наше время эта «боль-

ная» проблема стала краеугольным камнем, а законопроект ее совершенно проигнорировал.

Следующий момент – законопроект предлагает для всех, кто оказывает юридическую помощь, будь то фактически или формально, широко распахнуть двери в адвокатуру. Во всяком случае, это вытекает из смысла предлагаемого законопроекта. Точной статистики по количеству таких юристов нет. Кто-то называл число 300 тысяч человек, в Московской области, по моим данным, их меньше тысячи. Среди них есть люди, которые в свое время не сдали квалификационного экзамена, с кем-то мы расстались по обоюдному согласию, а кого-то изгнали из сообщества. Но представьте, что такие вот «свежие» кадры вновь вольются в наши ряды. Чего греха таить, у нас и без них страдает качество оказываемой юридической помощи, что подтверждается большим количеством дисциплинарных дел, когда мы вынуждены избавляться от недобросовестных коллег. Нет нужды гадать, к чему может привести допуск в профессию людей без надлежащей проверки их квалификации.

Более того, с одной стороны, в неравных и несправедливых условиях окажутся уже стоящие в очереди кандидаты на сдачу экзамена, среди которых немало достойных и уважаемых представителей научных кругов юриспруденции. С другой – законопроект фактически насильно загоняет в адвокатуру людей, оказывающих какую-либо юридическую помощь. Не спрашивая на то их согласия! Это, на мой взгляд, противоречит нашей Конституции, поскольку Основной закон страны не обязывает всех юристов получать статус адвоката. Как мне кажется, разработчики очередной законодательной новеллы совершенно не продумали этих вопросов, хотя в ней масса и других серьезных недостатков.

Почему-то никто из разработчиков не озвучил самого существенного момента. Если принять федеральный закон, не учитывая при этом территориальных, политических и экономических особенностей регионов, пользы не будет. Нельзя же сравнивать условия Хабаровского или Красноярского края с Московской областью! На мой взгляд, проблема оказания юридической помощи заключается не в том, чтобы издать еще один закон, а в том, чтобы найти квалифицированных юристов, которые бы занимались этой деятельностью. Таких в Московской области можно по пальцам пересчитать, а в дальних регионах их тем более не хватает. А без людей, какой закон работать будет! Возможно, и нужен какой-то

рамочный федеральный закон, а субъекты РФ с учетом их специфики должны, очевидно, принять свои законы, аналогичные тем, что действуют при оказании адвокатами бесплатной юридической помощи социально незащищенным категориям граждан. К слову, недавно до сведения Совета Федеральной палаты адвокатов РФ не только довели, но и предложили совместно с Минюстом участвовать в разработке законопроекта о бесплатной юридической помощи. Вот где нам нужно проявить активность, помочь работникам юстиции создать такой закон, который бы пошел во благо и населению, и адвокатскому сообществу.

А проект закона, о котором мы говорим, практически нигде не обсуждался. Мне звонят многие президенты региональных палат и говорят: надо сделать все, чтобы он не был принят, потому что последствия могут быть катастрофическими. На президентов палат, возможно, нельзя равняться, но ситуацию в своем регионе они знают. Допустим, если Брянская или Тульская область (в их палатах по 300 адвокатов) получит еще сотню-пару новых коллег, там непременно возникнут проблемы, углубляться в которые не хотелось бы.

Быгует мнение, будто действующие адвокаты боятся конкуренции, которую составят влившиеся в их ряды новые коллеги. Оно ошибочное, потому что в регионах востребована судебная адвокатура, а не адвокатура бизнеса. Более того, по специально разработанной программе мы обучаем стажеров и помощников адвокатов специфике оказания правовой помощи предпринимателям. И они показывают себя не хуже тех, кто специализируется только на оказании юридических услуг бизнесу, не имея адвокатского статуса. Поскольку у нас хорошая школа подготовки, традиции, то конкуренции мы не боимся. Так в чем же тогда дело?

У нас есть кандидаты, которые на протяжении ряда лет сдают экзамен, а статуса адвоката не получают. И не только из-за профессиональной непригодности, но и по этическим соображениям. Не так давно мы приняли несколько адвокатов из других регионов, а позже выяснилось: у кого-то судимость погашена, у кого-то нет, а кое-кто числился даже в федеральном розыске... Почему такое возможно? Когда к нам приходит адвокат из другого региона с документами, по закону мы не вправе их перепроверять, тем более требовать справку о наличии или отсутствии судимости, и только в процессе работы выясняются столь пикантные подробности. А когда мы сами принимаем решение о наделении статусом, эти моменты стараемся все же отслеживать. В настоящее время действуют четкий порядок и процедура его приобретения – получить адвокатский ста-

тус без экзаменов не могут ни кандидаты и доктора наук, ни заслуженные юристы РФ. Я не согласен с возможным автоматическим вливанием в корпорацию людей, которые могут не обладать в достаточной мере профессиональными качествами, не соответствовать этическим нормам.

Сторонники законопроекта полагают, что приток в корпорацию новых членов должен быть выгоден президентам палат, и при этом недоумевают, почему же они выступают «против». Действительно, в финансовом отношении адвокатская палата, возможно, жить станет лучше, но поднимется ли выше ее престиж, если в адвокатуру вернуться те, кто когда-то был отвергнут сообществом, но нашел свое место в предпринимательской структуре? И еще – законопроект предлагает ограничить упрощенный прием в адвокатуру шестью месяцами. А что дальше? Пройдет время, и уже другие кандидаты на получение статуса зададут вполне резонный вопрос:

Если принять федеральный закон, не учитывая при этом территориальных, политических и экономических особенностей регионов, пользы не будет. Нельзя же сравнивать условия Хабаровского или Красноярского края с Московской областью!

почему им можно было, а нам нет? Иными словами, этим так называемым переходным положением мы создадим ненужный прецедент. Полагаю, никакого переходного периода в законопроекте быть не должно, ибо рано или поздно он заведет нас в тупик.

В пояснительной записке к законопроекту утверждается, что введение закона в действие не требует никаких дополнительных финансовых затрат, что не соответствует действительности, ведь налоги у адвокатов и лиц, оказывающих юридическую помощь по договору, разные. В таком виде закон не нужен ни адвокатам, ни государству, ни людям, нуждающимся в квалифицированной юридической помощи. Более того, он вреден, ибо проблема квалифицированной помощи в нем совершенно не увязана с оказанием бесплатной юридической помощи населению. Вместе с тем нам нужен закон, но концептуально иного содержания.

СТАЛ НАСЛЕДНИКОМ — ПЕРЕСЧИТАЙ НАЛОГ

Увеличивать собираемость налогов – прямая задача налоговых органов. И нередко для улучшения статистической отчетности особо ретивые чиновники начинают придумывать такое, что неподвластно ни обычной логике, ни закону. Благо, способов достаточно. Казалось бы, против чиновничьего произвола должна действовать судебная система, но и она порой допускает досадные промахи.

Юрий ПЛАТОНОВ,
член Адвокатской палаты Москвы

К сожалению, суды у нас и по сей день частенько выполняют не правосудные, а правоохранительные функции. В чем разница? Как органы правосудия они обязаны действовать беспристрастно, невзирая на лица и звания. Но когда с чиновниками спорят рядовые граждане, суды исходят из безусловной правовой непогрешимости госорганов. Из-за того что их позиция автоматически смещается в пользу госструктур, они становятся «правоохранителями».

Несколько лет назад по налоговым инспекциям прокатилась волна так называемого нового прочтения гражданского законодательства. При расчете налога на наследуемое имущество, переходящее на основании завещания, они начали автоматически переводить первоочередных наследников в категорию других очередей. Допустим, у человека умерла мать. В соответствии с Гражданским кодексом РФ ее сын, вне всякого сомнения, считается наследником первой очереди. Но довольно часто родители, чтобы подстраховать своих детей, составляют еще и завещание. В этом случае, если во время открытия наследства у сына на руках имелось завещание, его, несмотря на ближайшее с матерью родство, автоматически исключали из первой очереди. И налог на имущество ему рассчитывали в гораздо большем размере, как наследникам других очередей.

Поначалу такой расчет налога производили, вероятно, на основании негласного указания. По подобным искам судами выносились неоднозначные вердикты. Если в процессах не было явного противодействия со стороны налоговых инспекций, решения принимались в пользу наследников, причисляя их к категории первой очереди, независимо от наличия или отсутствия завещания. В моей практике было два таких положительных решения, возможно, только потому, что выносили их заочно.

А в 2002 году тогда еще Министерство по налогам и сборам издало письмо за № 04-3-09/1233-АК031, в котором изложило свое понимание того, как брать налог с имущества, и тем самым закрепило эту порочную практику. Наследование по закону, говорилось в нем, признается в том случае, если отсутствует завещание. Не вдаваясь в дебри того циркуляра, скажу коротко: при наследовании по завещанию предлагалось не учитывать степени

родства. Иначе говоря, для этой категории претендентов налог с имущества должен был исчисляться по ставкам, предусмотренным для всех остальных наследников. Таким способом чиновники одним росчерком пера, поставив закон с ног на голову, решили повысить собираемость налогов с населения.

Можно лишь представить, какие решения после этого стали принимать налоговые инспекции и суды. Потребовалось почти два года, чтобы Конституционный суд РФ своим Определением от 30.09.2004 г. № 316-О поддержал позицию закона, а не стремление чиновников собрать «урожай» любой ценой.

А вот еще один пример из моей недавней практики. В поступивших от нотариуса сведениях налоговики обратили внимание на большую стоимость унаследованного имущества и, не задумываясь, рассчитали налог для близких родственников, как для других наследников. Оставь ушедший из жизни человек завещание, чиновников можно было бы упрекнуть в незнании законов. Но завещания не было. По-видимому, налоговики решили: раз наследство такое большое, налог с имущества уплатят не возражая. Наверное, так и случилось бы, если бы спустя несколько лет после принятия наследства не была арестована доля в имуществе, принадлежавшая семилетней дочери умершего. Вот тогда ее мать спохватилась и обратилась ко мне за юридической помощью.

В этой истории выяснились интересные подробности. Налоговая инспекция не только по старинке приравнивала малолетнюю дочь умершего отца к другим наследникам и начислила налог на не подлежащее налогообложению имущество, но и не направила в адрес ее матери соответ-

ствующего уведомления. Налоговики обратилась с иском о взыскании задолженности в суд.

Суд на слово поверил представителям инспекции, потому что у нас не принято не доверять действиям государственного органа, и известил девочку по адресу, предоставленному налоговой инспекцией. А поскольку мама с дочерью уже давно сменили место жительства, суд своим решением – из-за неявки ответчика на заседание – взыскал налог с ребенка. Стоит ли говорить, в каком положении оказался судья, когда адвокат ему прямо указал на вопиющие нарушения налогового органа. Объяснения представителя налоговой инспекции в суде свелись к тому, что в тот период налог для ребенка рассчитывал другой сотрудник, который сейчас уже не работает. Абсурдное судебное решение, разумеется, отменили. Более того, в иске налоговой инспекции даже к матери ребенка было отказано.

Хорошо, что выходящая за рамки понимания ситуация разрешилась в гражданском споре. Но если бы это было дело уголовное, восстановить истину, возможно, было бы сложнее. Какой же вывод? На мой взгляд, он очевиден: судам не только юридически, но и фактически надо перестать быть правоохранительными органами, они должны заниматься правосудием.

ОТ РЕДАКЦИИ. Помните, как телереклама напоминала нам: заплати налоги – и можешь спать спокойно. И правильно, это – обязанность каждого законопослушного гражданина. Правда, некогда привычный слоган, судя по всему, требует совсем иной формулировки: прежде чем платить налог – пересчитай!

Рис. Софья Есугуповой

НАДЕЮСЬ ВЕРНУТЬСЯ В ПРОФЕССИЮ

По данным ФПА РФ, в прошлом году своего статуса лишились 450 адвокатов. Что же такое должен совершить человек, чтобы утратить право быть в профессии? В этой ситуации можно понять, насколько ответственно должны повести себя члены квалификационной комиссии, чтобы принять столь суровое решение. Кто-то соглашается с ним, а кто-то – нет, как наш автор из Чувашии Владислав Пастухов, который не может смириться с решением коллег.

Уважаемая редакция!

Более 15 лет я профессионально занимался адвокатской деятельностью, участвуя в судебных процессах в качестве защитника. А сегодня отстаиваю интересы своих доверителей только как представитель. Почему так произошло? Решением совета Адвокатской палаты Чувашской Республики мой статус был прекращен на основании ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителями. Меня обвинили в том, будто я подписал протокол следственного действия, в котором не участвовал. Замечу, вердикт этот выносился в спешке, без скрупулезного предварительного разбирательства. В тот момент я болел и потому к началу заседания квалификационной комиссии опоздал, на что мне ответили, мол, семеро одного не ждут. Так коллеги заочно решили мою судьбу.

В самом начале производства по уголовному делу следственные органы назначили меня защитником подозреваемых А. Смирнова и А. Южакова. Впоследствии их осудили за кражу технических деталей с территории ЗАО «Промтрактор-Вагон». Находясь под стражей, они написали на меня жалобу в адвокатскую палату. Заключение квалификационной комиссии было дано без основательного изучения материалов уголовного дела и вынесенного приговора в отношении соучастников преступления. Не раз я обращался к президенту Адвокатской палаты Чувашской Республики Ю. Кручинину с просьбой разобраться в сущности сфабрикованных жалоб, но он, к сожалению, не захотел выслушать меня.

Если проанализировать тексты обеих жалоб, нетрудно заметить их идентичность, будто писали их под диктовку. А. Южаков излагал так: «Когда меня и других участников задержали органы ЛОВДТ, то я и Федоров находились в

состоянии алкогольного опьянения, Смирнов – наркотического. Несмотря на это, меня незаконно держали четыре дня и допрашивали без адвоката, а до этого напоили водкой, потом давили морально и физически. И я был вынужден дать такие показания. Они были написаны под диктовку милиции. Потом приехал адвокат В. Пастухов и расписался в протоколе. По этим показаниям меня привлекают к уголовной ответственности. Прошу наказать адвоката В. Пастухова за то, что он не присутствовал на допросе, а потом расписался в протоколе».

А вот что написал А. Смирнов: «Когда меня и других участников задержали милиционеры ЛОВДТ, Федоров и Южаков были пьяны, а я находился в состоянии наркотического опьянения. Когда нас доставили в милицию, начали допрашивать, а потом проводили очные ставки. Во время допроса никто из адвокатов не присутствовал. Потом я с милицией поехал в больницу к адвокату Н. Петрову, где он расписался в протоколе моего допроса. Во время ознакомления с материалами дела я увидел, что в протоколе очной ставки между мной и П. Мыловым стоят подписи адвокатов Н. Петрова и В. Пастухова. Но адвокатом Мылова была женщина, а у меня адвоката не было. Откуда там появились подписи указанных адвокатов, я не знаю. Однако по этим показаниям меня привлекают к уголовной ответственности. Прошу рассмотреть эту жалобу и наказать адвокатов Н. Петрова и В. Пастухова» (тексты приведены с незначительной правкой. – Прим. ред.).

Что же получается? Южаков жалуется на неправомерные действия сотрудников милиции, а совет Адвокатской палаты Чувашской Республики крайним делает меня! Детально комментировать жалобу А. Смирнова, нет смысла. Понятно, что он попытался уйти от уголовной ответственности путем признания своих показаний недопустимыми доказательствами. Однако приговор Канашского районного суда и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Чувашской Республики дали однозначный ответ: А. Смирнов виновен в совершении преступления, а нарушений уголовно-процессуального закона, которые могли бы повлечь отмену приговора, судом допущено не было.

На мой взгляд, поступившие жалобы президент палаты Ю. Кручинин должен был направить для проверки в прокуратуру или начальнику линейного отдела внутренних дел на транспорте ст. Канаш. Гораздо позже мне стало известно, что факты, изложенные в жалобах, прокуратурой были проверены, но не подтвердились. Тем не менее из-за «железной» позиции, а точнее личных амбиций Ю. Кручинина нам вместе с коллегой – адвокатом Н. Петровым указали на дверь.

И все же есть надежда на то, что справедливость восторжествует, естественно, не без судебного разбирательства о восстановлении моего адвокатского статуса. Основания для этого есть. В Ленинский районный суд г. Чебоксары недавно обратились мои бывшие подзащитные, ранее подавшие жалобы на меня. В своем заявлении А. Смирнов, отбывающий наказание в колонии-поселе-

нии Алатырского района Чувашской Республики, написал судье О. Агееву следующее: «...очная ставка в ноябре 2007 года между мной и П. Мыловым проводилась с участием адвоката В. Пастухова. По моей жалобе, направленной в адвокатскую палату в апреле 2008 года, проверку не проводили. Меня и Южакова по нашим жалобам никто не опрашивал и не допрашивал. К адвокату В. Пастухову никаких претензий не имею. О том, что дело В. Пастухова будет рассматриваться в Ленинском районном суде в Чебоксарах, я узнал на свидании со своей женой».

А Южаков, осужденный условно, написал тому же судье такое объяснение: «Мои интересы в ноябре 2007 года по назначению старшего следователя при Чувашском ЛОВДТ А. Никифорова защищал адвокат В. Пастухов. У адвоката В. Пастухова прошу извинения, так как в апреле 2008 года я написал на него жалобу в адвокатскую палату по просьбе А. Смирнова, в которой указал, что Пастухов якобы не присутствовал на моем допросе в качестве подозреваемого. В действительности адвокат В. Пастухов на допросе был. Претензий к нему не имею, а жалобу на него написал по совету сокамерников, которые подсказали: если адвокат В. Пастухова уволят по жалобе, протокол допроса подозреваемого суд посчитает недопустимым доказательством, а меня оправдают. Прошу извинения за свой необдуманный поступок» (тексты приведены с незначительной правкой. – Прим. ред.).

Соприкоснувшись с деятельностью региональной адвокатской палаты, я на себе испытал, что означает, когда местным «князькам» дают столько полномочий. Они считают возможным принимать совершенно абсурдные решения, которые, к сожалению, не может отменить Федеральная палата адвокатов РФ. Потому что подобное разбирательство по закону об адвокатуре относится к компетенции региональной палаты, а ФПА не вправе вмешиваться в деятельность адвокатского органа самоуправления субъекта РФ. По-видимому, в данной части закон требует определенной доработки. На мой взгляд, это абсурд, когда, получив независимость, некоторые президенты региональных палат совершенно безнаказанно нарушают права адвокатов, вынуждая их судиться. Вот почему крайне необходимо, чтобы руководители адвокатских палат были подчинены ФПА РФ. Думаю, эту проблему нужно обсудить на очередном Всероссийском съезде адвокатов.

Владислав ПАСТУХОВ
Фото Петра ЕФИМОВА

ОТ РЕДАКЦИИ. Естественно, мы сочувствуем коллеге, который много лет отдал служению адвокатской профессии. В подтверждение этого он приложил копию почетной грамоты, которой награжден президентом Адвокатской палаты Чувашской Республики Ю. Кручининим «за достижение положительных результатов в защите граждан от незаконного уголовного преследования». Надеемся, Юрий Сергеевич со страниц «Российского адвоката» что-то добавит к этой истории.

Алексей ГОРДЕЙЧИК,
член Адвокатской палаты Хабаровского края

ВЗЫСКАТЬ ГОНОРАР?

Когда речь заходит о защите чести, достоинства и деловой репутации, адвокаты по сравнению с другими участниками уголовного судопроизводства оказываются в наиболее уязвимом положении. Выступая в качестве защитника, они нередко становятся мишенью для нападков не только со стороны процессуальных оппонентов, но и своего доверителя.

Недовольные адвокатами их бывшие клиенты подают судебные иски о ненадлежащем оказании юридической помощи по уголовным делам, взыскании сумм выплаченных гонораров и иных убытков. В своих заявлениях они, как правило, ссылаются на нарушение защитниками требований закона об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, что само по себе затрагивает честь, достоинство и деловую репутацию коллег. Приведу пару примеров.

Когда на гражданина О., подозреваемого в незаконном предпринимательстве и извлечении дохода в особо крупном размере, возбудили уголовное дело по ст.171 УК РФ, он заключил с адвокатом соглашение на защиту интересов в ходе предварительного расследования и сделал предоплату в размере 60 000 рублей. Как сказано в исковом заявлении, адвокат к своим обязанностям не приступил, неоднократно отказывался присутствовать на следственных действиях, а его участие в деле свелось к предъявлению ордера следователю. Потому подозреваемый был вынужден заключить соглашение с другим адвокатом, которо-

му выплатил 15 000 рублей. Затем уголовное дело на этапе следствия было прекращено. И тогда бывший доверитель обратился в Центральный районный суд Хабаровска с иском к адвокатской коллегии и первому из адвокатов о возмещении вреда, причиненного из-за недостатка услуг. Он просил возместить ему убытки, в связи с тем что недоработки одного адвоката пришлось устранять другому адвокату (третьему лицу), на оплату услуг которого он понес дополнительные расходы. Кроме того, истец просил компенсировать моральный вред и взыскать проценты за пользование чужими денежными средствами.

Аналогичные исковые требования к адвокату и коллегии заявил в мировой суд судебного участка № 24 Центрального района Хабаровска гражданин Ю., обвиняемый в присвоении чужого имущества в крупном размере (ч. 3 ст. 160 УК РФ). В качестве предоплаты за юридические услуги он внес 30 000 рублей, но адвокат, по его мнению, четыре месяца бездействовал, от встреч со следователем уклонялся, а только давал необоснованные обещания в благоприятном исходе дела.

В результате доверитель был вынужден пригласить нового защитника.

Надо заметить, иски эти суды не удовлетворили. Во-первых, они обоснованно исходили из того, что адвокатские образования не являются надлежащими ответчиками, а законодательство о защите прав потребителей и компенсации морального вреда на данную группу правоотношений не распространяется. Во-вторых, суды пришли к выводу, что адвокаты оказывали определенную юридическую помощь в виде ознакомления с материалами дела, консультаций подзащитным на основании изучения постановлений и протоколов следственных действий, иной документации... А истцы, вопреки требованиям ст.56 ГПК РФ, не представили доказательств, что в основе заключенных с ними соглашений заложены конкретные услуги с указанием стоимости каждой из них, а также размеры уплаченных частей гонораров, не отработанных адвокатами на момент отказа от их услуг.

Несмотря на то что указанные решения были оставлены без изменения судами кассационной и апелляционной инстанций, игнорировать такие случаи не стоит. И, если такой спор все же возник, важно знать и учитывать правовую позицию, изложенную в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 24 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Суть ее в следующем.

Если сведения, по которым возник спор, сообщены при рассмотрении другого дела участвовавшими в нем лицами, и были оценены судом при вынесении решения, они не могут быть оспорены в порядке ст. 152 ГК РФ. Нормами ГПК РФ и УПК РФ установлен специальный порядок исследования и оценки данных доказательств. Иными словами, защита чести, достоинства и деловой репутации адвоката в подобных случаях должна осуществляться в рамках первоначального иска клиента, что предопределяет ее повышенную сложность. Если по ст. 152 ГК РФ обязанность доказать соответствие действительности сведений лежит на лице, их распространившем, то по делам, о которых мы ведем разговор, уже адвокат на основании ст. 56 ГПК РФ обязан доказать, что он надлежащим образом оказывал услуги.

В наших случаях адвокаты представили суду соглашения с доверителями и документы об оплате, материалы адвокатских производств (досье) на клиентов, значение которых трудно переоценить. А чтобы избежать

дополнительных обвинений в нарушении адвокатской тайны, досье приобщалось к материалам дела с предварительного согласия клиента. Кроме того, адвокаты предоставили свои рабочие планы, графики встреч с клиентами за спорный период, свидетельства очевидцев и т. д. Ну и самое главное, что повлияло на благополучное для адвокатов разрешение споров, – суды сочли необходимым изучить материалы уголовных дел, в рамках которых адвокаты оказывали юридическую помощь по спорным соглашениям.

Само возникновение подобных споров, как и сложность доказывания факта надлежащего оказания услуг и их объемов, свидетельствует не только о недобросовестности клиентов, но и небрежном поведении коллег. На самом деле, если адвокат, следуя рекомендациям Федеральной палаты адвокатов РФ, заключает с клиентом соглашение, содержащее все предусмотренные п.4 ст.25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» существенные условия, да еще максимально подробно ведет адвокатское производство (досье) на клиента, то сама возможность появления судебных исков к адвокатам становится минимальной.

Подготовила Наталья НЕВСКАЯ,
спецкор «Российского адвоката»
по Дальневосточному федеральному округу
Фото Даниила ЛИТВИНЕНКО

Рис. Софья Есугуженной

КУРСОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблемы безопасности – личной, национальной – в последние годы остро заявляют о себе во всем мире. Об этом подчеркнуто говорил Президент России в своем Послании Федеральному собранию. Теме повышения роли общества в решении проблем национальной безопасности посвятила пленарное заседание Общественная палата РФ. Серьезность ситуации в мире диктует необходимость выработки выверенного курса обеспечения национальной безопасности – каждого гражданина и государства в целом. С этого началась беседа нашего корреспондента с Александром КАНЬШИНЫМ, председателем Комиссии Общественной палаты РФ по делам ветеранов, военнослужащих и членов их семей, председателем совета директоров Национальной ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных сил РФ (МЕГАПИР).

– Александр Николаевич, возглавляемый вами совет директоров МЕГАПИРа стал инициатором привлечения широкой общественности к обсуждению и решению многих проблем в жизни армии, государства, общества. Теперь вот ассоциация в числе первых обеспокоилась проблемами национальной безопасности. Это ваша позиция или ситуация настолько серьезна, что потребовалось вмешательство общественности?

– МЕГАПИР с момента создания занимается армейскими и, если можно так сказать, околармейскими проблемами. А это важнейшая составляющая национальной безопасности. В принципе именно обеспокоенность ее состоянием и заставила нас более 15 лет назад объединиться.

Припомним новостные сообщения последних лет. По сути, это же фронтовые сводки. Убийства, подрывы, поджоги, мародерство, теракты. Убитые, раненые, пропавшие без вести, безвинно пострадавшие женщины, старики, дети. Почти обыденными стали слова-понятия «рэкет», «рейдер», «маньяк», «киднеппинг»... Появилась неуправляемая армия безнадзорных ребятишек, числом много больше беспризорных «последышей» Гражданской и Великой Отечественной войн.

Вроде бы наши собственные, внутрироссийские беды-заботы. Но ведь и извне идут потенциально агрессивные вызовы нашим национальным, государственным интересам. Причем кардинальным образом меняются их характер, масштаб. «Цветные» перевороты в странах ближнего зарубежья. Военные базы НАТО по периметру российских границ. Третий позиционный режим глобальной системы ПРО на территории Польши и Чехии.

Внешне разномасштабные по форме, но одинаково обращенные в наш адрес угрозы возникают не сами по себе. Не одним «святым духом идей» подпитываются экстремистские движения. Кто-то же спонсирует их «флагоносцев», превращая международный терроризм в глобальную военную угрозу. И ее острие сегодня почему-то нацелено на наш Кавказ, наше Черноморское побережье.

Серьезные угрозы нормальному существованию приходится переживать во многих уголках земли не только из-за явных агрессоров. В некоторых странах за счет торговли наркотиками и оружием крепнут и развиваются военизированные группировки, разные террористические организации. Волюно или невольно на их «мельницу» льют воду и более 600 различных движений в мире, активно ратующих за создание собственных национальных (или националистических?) государств. Их неумение вести устойчиво позитивный диалог с властями нередко приводит к внутри- и межгосударственным конфликтам.

– Неужели все же прав писатель Дмитрий Глуховский, утверждая, что «каждый верит в свое и агрессивен по отношению к тому, во что верят другие»?

– С этим можно соглашаться или нет, но не видеть множества разноплановых угроз России, то есть каждо-

му из нас, могут только зашоренные каким-то особым интересом люди. Лишь далекие от реалий жизни политики могут гарантировать (да и то на словах, не более), что их стараниями черное опахало беды завтра не коснется вашей семьи, вашего дома, вашего отечества. К счастью, в Общественной палате трудятся люди трезвомыслящие, «от земли», которые воспринимают все, что происходит в любом уголке нашей страны, «за морями-океанами», как имеющее к каждому из нас самое прямое отношение.

– А разве возможно по-иному? Жить среди людей и все-таки думать о независимости от них?

– Выступая на конференции мировой политики во французском Эвиане, наш президент особо подчеркивал, что нынешние международные договоренности перестали отвечать реальному положению дел в мире. В связи с этим возникают труднопредсказуемые ситуации, дестабилизирующие международную обстановку. Одно из свидетельств тому – грузинская агрессия в августе прошлого года. Основанная на однополярности система международной безопасности не сумела сдержать ее и тем самым продемонстрировала свою крайнюю неэффективность.

Жизнь показывает, что существующие стратегии предупреждения угроз не всегда несут всеобъемлющий характер. Иные политические руководители не могут выйти за рамки узконациональных или собственных интересов, не умеют согласованно с другими работать со всем спектром проблем обеспечения общей безопасности. А без глубокой проработки, укрепления системы управления глобальными рисками вряд ли возможно построить реально действующий международный механизм взаимного доверия. Во весь рост встает необходимость нового Договора о европейской безопасности – на основе правоустанавливающих базовых принципов межгосударственных отношений, единства подходов к предупреждению и мирному урегулированию конфликтов, гарантий равной безопасности, системного контроля над вооружениями, нового качества взаимодействия.

– Это всё интересы и дела больше плана глобального. А как в круговерти столь значимых проблем найти свое место, как определиться с правами и обязанностями по обеспечению безопасности конкретного человека? Достаточно ли только честно исполнять свой гражданский, воинский долг?

– Известно, что интересы личности, естественно с соблюдением установленных законом обязанностей, нашей Конституцией определены как первоочередные. Этот принцип для нас остается основополагающим и в условиях формирования радикальных перемен во внутригосударственных и международных отношениях. Просто возрастет необходимость осознания каждым гражданином, всем обществом личностных, национальных ценностей, интересов и целей.

– С учетом того, что последние лет пятнадцать кое-кто настойчиво призывал считать едва ли не ус-

таревшими такие глубоко нравственные понятия, как «патриотизм», «честь», «совесть», «верность долгу»?

– Готовясь к пленарному заседанию Общественной палаты о повышении роли общества в решении проблем национальной безопасности страны, члены нашей комиссии и другие коллеги по палате побывали во многих регионах страны, в военных округах и на флотах. Поняли, что нравственно-патриотическое воспитание, в первую очередь молодежи, отдано на откуп рынку: как будет – так свершится. А еще увидели, в каких условиях живут и служат в отдаленных военных гарнизонах – от Калининграда до Камчатки – «государевы люди». Вывод неутешительный: наша армия, призванная в первую голову обеспечивать неприкосновенность государственных рубежей «на земле, в небесах и на море», по сути своей больше похожа на ополчение. В воинских частях устаревшие боевая техника, вооружение, средства связи, люди плохо одеты, обуты, не имеют условий для нормального быта и досуга. При этом Минобороны расходует огромные средства на непрерывные оргштатные мероприятия: ликвидацию-восстановление Сухопутных, Космических войск, другие неоправданные управленческие решения. Кстати, похожая ситуация во многих отраслях огромного государственного хозяйства, в том числе, как ни прискорбно это признавать, в оборонной промышленности.

– Это уже похоже на намерения развалить еще не разваленное. Вот и председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов отмечал, что Россия вряд ли сможет остаться сверхдержавой, «если продаются национальные интересы и не обеспечивается экономическая безопасность страны».

– С ним трудно не согласиться, если знать, что каждый десятый военнослужащий имеет проблемы со здоровьем, что более 30 процентов допризывников не могут проходить военную службу по той же причине. Почти 40 процентов детей у нас рождаются больными. Прежде всего, из-за плохого материально-бытового положения семей. Проблема серьезнейшая, ибо при сохранении существующих тенденций в ближайшем будущем годными к военной службе окажутся не более 40 – 45 процентов призывников.

С подачи общественных организаций, не в последнюю очередь нашей комиссии Общественной палаты РФ и МЕГАПИРа, власти наконец-то забили тревогу. Совместно с Клубом военачальников РФ мы провели в Военной академии Генштаба научно-практическую конференцию «Современные проблемы подготовки людских ресурсов в интересах обороны страны и возможные пути их развития». Для участия в ее работе пригласили представителей Администрации Президента, правительства, Госдумы, Минобороны, других министерств и ведомств. Хороший, заинтересованный разговор получился...

– Проведенный с участием общественности комплексный анализ строительства и реформирования

Вооруженных сил за последние 15 лет позволил назвать основные причины-помехи на пути их развития, обеспечения оперативного и качественного решения проблем национальной безопасности. И что, на ваш взгляд, за сим последует?

– Прежде всего речь о несовершенстве законодательства, закрытости, связанной с этим коррупцией. С учетом предложений весьма авторитетных представителей МЕГАПИРа разрабатывались «Основные параметры формирования современных Вооруженных сил РФ на период до 2020 года». Хочется верить, что дело на сей раз не превратится в очередную перетасовку сил и средств. Что «параметры» не ограничатся созданием на бумаге оперативных бригад, Сил быстрого реагирования на основе ВДВ, авиации, морской пехоты, подразделений спецназа. Что мы наконец-то твердо встали на выверенный курс обеспечения национальной безопасности. Это и будет лучшим вкладом России в формирование гарантий безопасности международной.

Системное развитие гражданского (общественного) контроля над государственными и силовыми структурами во многом позволяет снять остроту назревших проблем. Именно на это работает качественно новая модель взаимодействия гражданского общества и силовой составляющей государства при обеспечении интересов общества и личности. Имею в виду созданные по инициативе Общественной палаты РФ общественные советы при Минобороны, МВД, МЧС, ФСБ, региональных органах государственного управления.

– Если следовать задумке, этот мощный отряд общественного надзора вполне могли бы пополнить и более 150 тысяч неправительственных организаций, декларирующих в своих уставных документах вопросы безопасности. Но не пополняют же?

– К сожалению. На их «знаменах» красуются слова о правах, свободах, интересах граждан, стремлении объединить все слои нашего общества для борьбы с косностью, закрытостью институтов госуправления. Благое вроде бы дело, да вот стопорится оно зачастую из-за потребительско-субъективного отношения иных лидеров к самому понятию открытости тех же силовых структур. В популистском ажиотаже многие забывают и о провозглашаемых благородных целях, и о том, что силовые ведомства созданы и существуют не ради удовлетворения личных амбиций любителей всех и вся критиковать, а для защиты жизненных интересов каждого гражданина и общества, государства в целом.

Реальные правовые гарантии – национальные, международные – невозможны без соблюдения установленных законами норм, своего рода границ личных прав, свобод, взаимных обязательств как граждан, так и общественных организаций. И обеспечиваются они там, где в обществе не только провозглашаются национальные, глобальные интересы, права и свободы личности, но и свято блюдут установленные законом порядки и правила.

НЕ СУДИСЬ, ГДЕ ЖИВЕШЬ?

Для людей, работающих в удаленных местностях с неблагоприятными климатическими условиями, законом предусмотрены различные льготы. Однако действуют они строго в обозначенных местах, в условиях отнюдь не самых лучших. Но порой бытовые трудности, с которыми приходится там сталкиваться, оказываются не самыми сложными. Взаимоотношения работника с работодателем особенно болезненно проявляют себя в трудовых спорах.

Александр ФОМИН,
член Адвокатской палаты Хабаровского края,
пос. Солнечный

Дело в том, что головные офисы наших крупных предприятий зарегистрированы по своим юридическим адресам, как правило, в краевом центре. Эти же адреса значатся и в трудовых договорах, заключаемых с работниками. А рабочие места в большинстве своем находятся за несколько сотен, а порой и тысяч верст от них. Например, Охотский район расположен в полутора тысячах километров, или в двух часах полета, а наш Солнечный – в семи часах езды автобусом. И потому, когда возникает трудовой спор (а от него не застрахованы ни бульдозерист, ни учитель, ни врач, ни глава охотхозяйства «у черта на куличках», ни сотрудник районной администрации), становится понятно – из глубинки в краевой центр особо не наездишься.

Но почему с проблемами нельзя разобраться там, где они возникают? А потому, что суды нашего края принимают иски только по месту нахождения ответчика. И для того чтобы через суд, скажем, восстановиться на работе, проживающий в Охотске человек должен обращаться в районный суд Хабаровска. В какой, он обязан выяснять сам, затратив массу времени и сил, потому что даже его сотрудники не знают иногда, в каком районе краевого центра зарегистрировано юридическое лицо работодателя.

А если речь идет, к примеру, о задержках заработной платы, выплатах отпускных и т. д.? Попробуйте-ка найти адрес «своего» мирового судьи в большом

Рис. Софья Бестужевой

городе, где в каждом районе не по одному судебному участку. Жители-то не знают порой, где их искать, не говоря уже о людях, которые в Хабаровске бывали, может, раз в жизни – когда устраивались на работу. А тут надо не просто самому ехать, а еще везти с собой представителя, и как минимум дважды.

Между тем статья 29 ГПК РФ предоставляет работнику право предъявлять иск по месту жительства, особенно если в трудовом договоре указано место исполнения его трудовых обязанностей. Несмотря на это, суды нашего края категорически отказываются распространять такое предписание закона на трудовые споры, если гражданин работает далеко от офиса учреждения. Довольно странная ситуация: хабаровчане имеют возможность защищать свои трудовые права по месту жительства, а людей из глубинки ее лишили! И для иных работодателей такая позиция судов становится своего рода индульгенцией на ущемление прав сотрудников: мол, при конфликтной ситуации ехать к нам для выяснения отношений далеко и накладно – отступятся.

Своеобразное толкование закона защищает интересы ответчиков-работодателей, а не работников-истцов, хотя во всем мире законы применяют иначе. Но ведь и у нас законом не предусматриваются какие-либо преимущества юридических лиц перед физическими. Часто сталкиваясь с подобными ситуациями, приходишь к выводу: мало принять закон, предоставляющий каждому гражданину право обращаться в суд. Важно обеспечить не произвольное, а дословное его толкование на всех уровнях.

A portrait of a middle-aged man with short, graying hair, wearing a dark suit, white shirt, and a red striped tie. He is sitting with his hands clasped in front of him, wearing a watch on his left wrist and a ring on his right hand. The background is a blurred image of a church with multiple domes and spires. The text "ЗНАК СУДЬБЫ" is overlaid in large white letters across the lower part of the image.

ЗНАК СУДЬБЫ

Большим оригиналом Эгона Русанова сделала, наверное, сама госпожа Судьба. Иначе как объяснить, что добившийся серьезных успехов в познании истории школьный выпускник вдруг поступил на юрфак. Или почему после окончания вуза, вместо перспективного тогда распределения в КГБ, оказался на скромной должности следователя районной прокуратуры. С чего бы это, презрев карьерные прокурорские возможности, ушел в адвокатуру. Не испугался, подобно многим коллегам, общественного мнения и давления властей, раз за разом принимая защиту отпетых уголовников (за что получил малопривлекательную приставку к фамилии «адвокат мафии»). И наконец, стал единственным реестровым адвокатом одновременно в Латвии и России (адвокатское бюро «Зилинский и партнеры»).

Наверное, не случайно женщины при первом взгляде на таких мужчин начинают нервно дышать: высокий, стройный шатен, манеры располагающе-доверительные, но чувствуется стержень. Он как-то по-особому спокойно, взвешенно, почти отрешенно от эмоций собеседника, стильно что ли, рассказывает о прожитом, о своих увлечениях-предпочтениях.

Когда работал следователем, прокурором по надзору за следствием и дознанием в милиции, больших проблем вроде бы не возникало. Между тем он позволял себе прекращать даже громкие дела, когда видел явные нарушения закона. Нередко это серьезно затрагивало интересы больших чиновников из госструктур, и приходилось туговато. Но он сознательно шел на такие конфликты, потому что считал свою профессию уполномоченной законом, а себя – поставленным им же на бессменную вахту права.

Становилось особенно тяжело, шел к старшему другу, заместителю прокурора Московского района Риги Юрию Черноштану – посоветоваться, излить душу. Умнейший человек, настоящий профессиональный «зубр», Юрий Петрович, между делом, обращал внимание начинающего коллеги на объективно непосредственную зависимость правоприменителя от буквы и духа закона. Его самого не раз и не два приглашали в Генеральную прокуратуру СССР, а он почему-то всякий раз находил повод вежливо отказать. С явным удовольствием учил на житейских примерах юного друга пониманию, обязательности четкого толкования права, раскрывал нюансы проявлений и лучших, и худших человеческих качеств.

Серьезные разногласия с «госпрофессией» начались, когда Русанова назначили прокурором по надзору за ИТУ в республике. Это оказалось совсем не для него: чужие, часто непрофессионально или спустя рукава расследованные дела, масса без вины виноватых, которым он был не в состоянии помочь. А кому там нужно словесное, тем более молчаливое сострадание, пусть и искреннее, вместо реальной помощи?..

Тяжелее всего приходилось ночами, когда оставался один на один с собой и наседавшими со всех сторон вопросами. И к себе, и к явно не справлявшейся с про-

блемами защиты прав и свобод личности системе законоисполнения. На работе было тоскливо от собственного бессилия, дома неуютно от безысходности. В таких ситуациях одни ломаются, другие спиваются, третьи порывают с системой, а заодно и с семьей. «Дал крен» к зеленому змию и Русанов. И тут же уволился из прокуратуры.

Ушел фактически в никуда. Хотя... Кто ищет... Написал заявление в адвокатуру – желающих оказалась целая очередь. Но тут начался набор адвокатов со знанием иностранных языков в инюрколлегию, и Эгона приняли едва ли не с распростертыми объятиями. А дальше – живи как можешь. И он стал жить: «офис» на окраине Риги с обшарпанными стенами, двумя кодексами на колченогом столе, парой таких же стульев. Единственное светлое пятно – нечастые гости из желающих получить юридическую консультацию за 5 латвийских рублей переходного периода. Особо не пожируешь... Впрочем, в прокуратуре зарплата тоже была не ахти. Зато теперь в нравственном плане Русанов ощутил разницу: он обрел реальную возможность помогать людям, которых заделало черное крыло беззакония.

В те «лихие 90-е» всем, а адвокатам, пожалуй, особенно, и в Латвии приходилось несладко. Время смутное, законодательство на перепутье, каждый самой малой силой обладающий тянет правовое «одеждо» на себя. Адвокаты оказались между двух жерновов. Им открыто угрожали не только беспредельщики из уголовного мира. Полиция и прокуратура давили с разных сторон, но с тем же «отступным»: делай, как сказано. При этом негласный надзор за личной жизнью, прослушки, прямые угрозы: посадим... А уж посадить могли запросто. Латвия – страна маленькая, после отстрела более-менее активных преступных авторитетов в организации уголовных процессов обозначился низкий потолок доказывания. Чтобы отправить человека за решетку, требовалось не так уж много веских аргументов.

Правда, обнаружился и некий плюс: считавшийся спекулятивным бизнес стал вполне легальным. И у новых «хозяев жизни» как-то сам по себе возник спрос на адвокатов. Сформировалась клиентура – в основном из предпринимательской среды.

Здесь мне хочется сделать небольшое отступление, дабы не показалось, что Русанов в тот момент отдался на «волю волн», потому и оказался на гребне профессиональной удачи. Вовсе нет. Знающие его – и друзья, и недоброжелатели (есть и такие) – одни с явным удовольствием, другие с ощутимой профессиональной ревностью отмечают врожденную способность Эгона Александровича к нестандартному мышлению и, естественно, к таким же решениям. Гены? Не только. Что-то дали родители Александр Евгеньевич и Дагмара Карловна, что-то любимый дядя Карл Карлович Геркис, как он сам себя называл, «полковник авиации в экономике». Что-то книги, коллеги, друзья, даже клиенты. Но главным образом – собственные плоды и шишки.

– «Век живи – век учишь» не простой набор слов, – говорит Эгон Александрович. – Это квинтэссенция опыта поколений. Молодым коллегам, студентам университета я часто привожу примеры из своей практики. Одно из первых дел выпало на период моего, скажем так, увлечения спиртным, которое на том этапе служило своего рода допингом. И вот как-то накануне серьезной кассации мы хорошенько погуляли. Так что иду я в Верховный суд в каком-то, едва ли не университетских времен костюме, в изрядно помятых и явно коротких брюках. Мне очень плохо, весь дрожу и туго-туго соображаю ...

**Во имя торжества справедливости
ведь и создана, обязана
функционировать система
юридической защиты,
имя которой адвокатура.**

– Странное дело, ни на что денег нет, а на выпивку находятся.

– Ну да, как в анекдоте, когда отцу урезали зарплату. Сын спрашивает: «Папа, ты теперь меньше будешь пить?» – «Нет, сынок, ты будешь меньше кушать». До сих пор не знаю точно, почему отменили приговор моему клиенту: непрезентабельный ли вид мой, скорбная ли судьба моего подзащитного расстрогали судей или что-то еще...

– Жалоба, как мне известно, была написана толково, с железной аргументацией.

– Старался. Пахал между пьянками. Но, в конце концов, не это важно, главное – отмена приговора. Был еще случай, свойства противоположного по форме и по сути. Защиту обвиняемого в получении взятки я вел тогда почти без сучка и задоринки, оставалось лишь отстоять в суде свою позицию. А я только что приехал из Швейцарии – загоревший в горах, в хорошем костюме, благоухающий дорогим парфюмом. И вдруг замечаю, что судья обратила внимание на мой ранний весенний загар. Дальше как я ни старался привлечь ее внимание к процессуальным упущениям, нарушениям обвинения, демонстрировал эрудицию, все оказалось впустую. Моему подзащитному дали два года, при том что его старшего коллегу-зачинщика, вопреки логике, полностью оправдали. А все потому лишь, что в какой-то момент я забыл, где нахожусь и чем занимаюсь. Мораль, думаю, очевидна.

Да, соответствие ситуации, месту и времени порой для адвоката не менее важно, чем юридическое оснащение. И на квалификационном экзамене в Адвокатской палате Москвы Русанов выглядел соответственно моменту по всем параметрам. А принимал экзамен сам Генри Резник, спрашивал «по полной». И теперь Русанов гордится таким фактом своей биографии. Что ж, имеет право.

А до того было дело латвийского предпринимателя У., который в упор расстрелял своего друга-партнера. У. пытался покончить с собой выстрелом в голову, но остался в живых, хотя в очень тяжелом психическом состоянии. По личной просьбе тогдашнего министра юстиции Эгон защищал его. Предприниматель вел себя странно, не всегда можно было понять, когда он адекватен, а когда элементарно придуривается. В конце концов заявил, что Русанов его плохо защищает и попросил заменить адвоката. Поменяли, и почти тут же У. арестовали, а потом и приговор – 9 лет. У. попросил пригласить адвоката из Москвы.

Приехал Дмитрий Зилинский. Вместе с Русановым думали, что можно сделать. Нашли множество «крючков»-нарушений, так что кассационная жалоба оказалась вполне доказательной. В итоге приговор У. отменили (его признали частично вменяемым) и дали 7 лет. За прямое убийство эта мера довольно мягкая, согласитесь.

А Русанов и Зилинский с удовольствием обнаружили тогда, что и в профессиональном, и в чисто человеческом плане они единомышленники. Сыграл свою роль и «третий» – Екатерина II со своим убеждением, что лучше десять виновных пусть гуляют на свободе, чем один невиновный окажется за решеткой. В принципе во имя торжества справедливости ведь и создана, обязана функционировать система юридической защиты, имя которой адвокатура. Потому-то на «оборону» правовых основ у ее полпредов уходит вся жизнь. Потому-то профессия адвоката – это даже не образ жизни, а, как кто-то сказал, настоящий диагноз.

Русанова легко можно представить в судебном процессе, перед монитором компьютера, за рулем шикарной иномарки, в ложе театра, тренировочном зале Дворца спорта, среди студентов юрфака... И ранним-рано в укромном уголке юрмальских пляжей. Рассветные лучи скупого прибалтийского солнца едва успели облаксить завитушки легких морских волн, а Эгон уже завершает обычный преддневной моцион. Того требуют принципы синьюцюаня, полюбившегося Русанову вида китайских единоборств. Синьюцюань – единство формы, идеи, силы (кулака). Не случайно дважды в год Русанов проверяет себя у известного мастера в провинции Шаньси. Сам он шутит, что на пенсии будет заниматься только этим, то есть оттачивать это нелегкое искусство. И кто знает, ведь говорят, что в каждой шутке есть только доля шутки...

Так как же на самом деле: «судьба играет человеком» или «человек сам вершит свою судьбу»? Мне кажется, никакая, даже самая оригинальная жизнь, как и все наше бытие вообще, не в состоянии дать ответ на подобного рода вопросы. Иначе не оставался бы тот самый, в веках неразрешимый – о яйце и курице. Или совсем уж философский – о первичности слова или дела.

Валерий РЯЗАНЦЕВ,
спецкор «Российского адвоката», Рига – Москва
Фото Виталия АЛТАБАЕВА

НОЧНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Что делать, если ты попался на взятке? Бежать? Прятать дань? А может, съесть дензнаки? Как говорят, нет улики, нет преступления. Последний вариант показался старшему следователю ОВД Республики Башкортостан Александру Болиху наиболее приемлемым. А дело было так.

Он расследовал дело по обвинению гражданина Глазунова в хищении строительных материалов с садового участка соседа. Чтобы помочь подозреваемому уйти от ответственности и прекратить уголовное дело, следователь предложил Глазунову заплатить ему и, как говорится, спать спокойно. Тот поначалу согласился, однако, взвесив все «за» и «против», обратился в прокуратуру, которая предприняла соответствующие меры. В тот злополучный день оперативники застали Болиха как раз в момент совершения преступления. И тогда горе-следователь попытался съесть десять меченых купюр, но проглотить их ему не удалось.

На допросе задержанный заявил, что Глазунов его давний знакомый, у которого он всего-навсего взял деньги в долг (жене надо было оплатить учебу). Прокурор решил не откладывать разбирательства и потому через три часа передал материалы в суд. А в 23.30 состоялось рассмотрение его представления на предмет наличия в действиях Болиха признаков преступления. Заседание суда закончилось в 00.30 возбуждением уголовного дела по ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение взятки).

Адвокат В. Харисов, четверть века проработавший в органах прокуратуры, ознакомившись с его материалами, был шокирован таким ходом событий, точнее, произволом в отношении подзащитного. Он задавался вопросами: разве закон разрешает проводить следственные мероприятия ночью? Имеет ли юридическую силу заключение, вынесенное судьей в ночное время? Может ли оно считаться основанием для возбуждения уголовного дела? Является ли законным постановление прокурора о возбуждении уголовного дела до оглашения судьей заключения? Прокурор Р. Идиатуллин и судья В. Артемьев, рассматривавшие это дело, пояснили, мол, в исключительных случаях проводить ночное судебное заседание не возбраняется, ибо разрешено все, что не запрещено законом. Согласитесь, мотивация у работников правосудия более чем «серьезная».

Безусловно, преступление Александра Болиха было очевидно, и этого никто не отрицал. Но ведь и у подозреваемого (обвиняемого) есть права, нарушать которые

Рис. София Бескуженной

запрещено законом. К тому же и деяние было квалифицировано неверно. Так Болиха обвинили по ч. 3 ст. 290 УК РФ. Но под эту норму подпадают только лица, занимающие государственную должность. Болих же был всего лишь должностным лицом. А если так, то можно добиться, решил адвокат, чтобы содеянное подзащитным переклассифицировали на ч. 1 той же статьи, что существенно облегчит его участь. Конечно, бывший следователь получил по заслугам, но резонен вопрос: почему в этом деле было допущено столько нарушений? В незнание законов прокурором и судьей поверить трудно. Скорее всего, «виноват» круглосуточный режим работы, ведь по закону не только подсудимый, но и судья, и прокурор имеют право на ночной сон.

Яна БОЧАРОВА, спецкор «Российского адвоката»

ГОТОВНОСТЬ ЗАЩИЩАТЬ

По семейным обстоятельствам я часто бываю в Турции, присутствую на судебных процессах, наблюдаю, как работают в них адвокаты. И те, кто участвует в уголовных делах в качестве защитника подсудимого, и те, кто представляет интересы потерпевшей стороны. Надеюсь, о моих впечатлениях будет интересно узнать читателям «Российского адвоката».

Маила САМЕДОВА,
аспирантка Российской академии адвокатуры
и нотариата

В открытом заседании суда по тяжким уголовным преступлениям города Айдын рассматривалось дело об изнасиловании десятилетнего мальчика Угура подростком старшего возраста Бурханом. Как установлено материалами следствия, когда потерпевший гулял со своими друзьями, злоумышленник шел им навстречу. Он позвал с собой Угура, а затем, схватив его, силой окупил в канале и в близлежащем саду изнасиловал. Изначально подсудимому предъявляли обвинение по двум статьям Уголовного кодекса Турции: за удержание, лишение свободы несовершеннолетнего (ч.1 ст.430) и изнасилование лица, не достигшего 15-летнего возраста (ч.2 ст.414).

В ходе судебного заседания друзья потерпевшего, с кем он прогуливался в тот злополучный день, слово в слово подтвердили его показания и обстоятельства преступления. Обвиняемый тоже не отрицал, что вступил в интимную связь с малолетним подростком, но утверждал, что сделал это с его согласия, потому что потерпевший не возражал, чтобы получить денежное вознаграждение. В процессе рассмотрения дела судом обвинение с подсудимого в лишении свободы потерпевшего сняли, мотивируя тем, что место, где подсудимый изнасиловал мальчика, не было подготовлено им заранее. А раз так, посчитали судьи, в том, что касается насильственного удержания потерпевшего, нет состава преступления.

Вместе с тем они признали: обвиняемый, изнасиловавший малолетнего подростка, совершил тяжкое преступление, и приговорили его к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Однако суровое, как могло показаться, наказание буквально растворилось в смягчающих обстоятельствах. По одной из статей УК Турции, срок был сокращен наполовину, по другой – еще на 1/6 часть и составил четыре года и два месяца. Но и это наказание суд решил считать условным на том основании, что через три месяца, с момента вынесения приговора, должен будет вступить в силу новый УК Турции, статьи и виды наказания которого, «вероятно, могут быть применены к подсудимому».

Таким образом, Бурхан, совершивший тяжкое по законодательству страны преступление, был освобожден из-под стражи под подписку о невыезде. Адвокат потерпевшего Х. Морал посчитал, что вынесенный приговор противоречит процессуальному кодексу и закону, и обжаловал его в апелляционной инстанции. В своем ходатайстве он не согласился с оправданием подсудимого в той части, которая каса-

лась его обвинения в насильственном лишении свободы потерпевшего. По мнению адвоката, к подсудимому должна была быть применена статья 430 УК Турции.

– Да, мой доверитель Угур пошел с обвиняемым, – заявил в заседании адвокат, – но против воли был схвачен им и изнасилован. Важно то, что потерпевший, вступив в зону влияния (есть такое понятие) подсудимого, удерживался там против собственной воли. По своему составу преступление налицо. Если бы похитили и лишили свободы лицо противоположного пола, можно было бы говорить о чувстве страсти или цели установления супружеских отношений. Но поскольку было похищено и лишено свободы одинакового с преступником пола лицо, стало быть, речь идет исключительно о похотливых устремлениях, что попадает под действие статьи 430 УК Турции, по которой подсудимого оправдали.

И в подтверждение своих доводов адвокат Х. Морал привел ряд решений этого же апелляционного суда, когда аналогичные деяния обвиняемого были расценены им не иначе как лишение свободы человека. Опираясь на них, адвокат просил отменить решение местного суда об оправдании подсудимого в этой части преступления, которое очевидно и доказано, и привлечь обвиняемого к ответственности. Но апелляционный суд не удовлетворил ходатайства адвоката. И в итоге насильник не понес реального наказания.

В заключение хотелось бы поделиться своими мыслями. Бесспорно, с точки зрения потерпевшего несправедливо, что виновного в тяжком преступлении Бурхана не лишили свободы. И случилось это, как мне кажется, потому, что защищавший его в процессе адвокат Я. Окмак сделал неординарный шаг. Внимание судей он акцентировал не на оспаривании события преступления, а на общеполитических настроениях в стране. В частности, на том, что Турция стремится стать членом Евросоюза и что не сегодня-завтра в стране вступит в силу основанный на европейских стандартах новый Уголовный кодекс. А если так, убеждал он суд, совсем нелишне проявить снисходительность к Бурхану, который, конечно, преступил закон, но сделал это впервые и своей вины не отрицал... И, как показал довольно мягкий приговор, доводы защитника судьи услышали и учли.

Вместе с тем последовательно и юридически грамотно представлял интересы потерпевшего в процессе и адвокат Х. Морал. В качестве оплаты его гонорара приговором суда было решено взыскать с подсудимого Бурхана 800 миллионов турецких лир. Таким образом, даже в таком сложном и неоднозначном деле оба адвоката продемонстрировали готовность защищать своих доверителей, учитывая, конечно, особенности отношения к тем или иным преступлениям в своей стране.

**СЛОВО
ОБ ОТЦЕ**

Мадина ДОБРИЕВА,
адвокат, кандидат юридических наук

Я ехала в долгожданный отпуск домой. Как это часто бывает в поезде, познакомилась с попутчицей, и мы разговорились. Она вспомнила, что знала одного Добриева, адвоката: «Если бы не он, моя судьба сложилась совсем по-другому!»

У меня слезы покатались. Сколько лет уже нет с нами отца, а его помнит! И я по-прежнему в душе исповедуюсь перед ним. Мой отец, Джамалдин Добриев, заслуженный юрист России, ветеран труда, 45 лет отдал адвокатуре. За эти годы спас тысячи людей от несправедного суда. Его завет «Никогда не искать в людях плохого» я запомнила на всю жизнь. И еще. У нас до сих пор не изжит кровная месть. И можно только представить, сколь справедливой и благородной была в судебных процессах линия защиты моего отца, если за все эти годы никто из проигравшей стороны не посчитал нужным применить к нему эту месть.

Перед самой войной выпускника юридической школы приняли в коллегия адвокатов г. Орджоникидзе. Однажды, вернувшись из командировки в родное село Насыр-Корт, молодой парень как будто увидел кошмарный сон. Вдоль дороги стояли с оружием солдаты, а односельчане брели к железнодорожной станции: комсомольцы, коммунисты, колхозники-ударники, молодые и старые, женщины несли на руках младенцев... Там их, и его тоже, ждал поезд до Казахстана. Это было 23 февраля 1944 года, в День Красной Армии. В воздухе пахло весной и грядущей победой.

Отец не вступал в партию, он был человеком верующим и не скрывал, что начальное образование получил в медресе. Тем не менее в Казахстане ему сразу предложили работу в НКВД — он отказался и подал заявление об отправке на фронт, но тщетно, ему ответили: «Находитесь там, где вам это разрешено!»

Бездомный, безработный Джамалдин написал жалобу самому Берии — о незаконном «массово-поголовном выселении чеченского и ингушского народов». Ответ последовал незамедлительно: его вызвали на допрос. К счастью, отец остался на свободе. Он не испугался и не успокоился, и в 1956 году снова пишет жалобу, на этот раз Генеральному прокурору СССР, просит «дать возможность невинному народу вернуться на родину... с правом вселения в свои дома». Пожелтевшая копия этого документа до сих пор хранится в нашей семье как самая дорогая реликвия.

В 57-м отец с семьей уже вернулся в Насыр-Корт, а вскоре был одним из первых реабилитирован. Почти десять лет в их доме жили осетины, но познакомившись с истинными хозяевами, безоговорочно ушли. Родители сразу же занялись ремонтом. С грустью вспоминали построенный ими дом на казахстанской земле, своих друзей, соседей. Одного из них, мельника Юсупа Калоева, председатель колхоза обвинил в халатности. Возбудили уголовное дело. И хотя отцу как выселенцу было запрещено работать адвокатом, он помог соседу составить заявление и отправил его телеграммой. Мельника оправдали.

У нас говорят: трава растет от своего корня. Чтобы вновь укорениться на родной земле, надо было вернуть веру в справедливость. Отец в составе делегации от ингушского и чеченского народов едет в Москву. Их не принимают — и тогда в ЦК летит телеграмма самому Хрущеву: «Дорогой Никита Сергеевич! Мы, советские люди, сегодня не можем уйти от парадного подъезда ЦК партии, уподобившись некрасовским мужикам, ибо время не то, подъезд не тот и люди другие». Их услышали. Справедливость восторжествовала.

Прошли годы. Отец радовался, что я пошла по его стопам — получила юридическое образование, работала в Минюсте Республики Ингушетия, поступила в аспирантуру Российской правовой академии. Когда завела разговор о том, что собираюсь в Москву, писать диссертацию, он благословил. Я знаю, что отцу было нелегко отпускать меня, но он всегда говорил: «Учитесь! Будете образованными, сможете приносить пользу народу». Да и тему диссертации «Честь, достоинство и деловая репутация как объект защиты в гражданском праве и процессе» мне подсказал папа. В Москве пришлось начинать все с нуля, но мне везло на хороших людей: помогали, подсказывали, подставляли плечо. Я защитилась в 2004 году, но порадовать отца не успела, он ушел из жизни тремя годами раньше...

Мой отец не писал диссертаций на тему «Честь и достоинство», но в годы репрессий защищал простых людей от произвола власть имущих. До последних дней калитка нашего дома была открыта. Когда отец уже не занимался адвокатской практикой, его выбрали в Совет старейшин Назрани. Он болел душой за каждого, за весь народ и мечтал построить правовое общество, одно на всех.

Фото из семейного архива

▲ Мои родители Роза и Джамалдин Добриевы

ПАТРИАРХ

Не всякому удастся «сохранять лицо» на разных этапах жизни. Особенно когда события-испытания идут чередой и пережитого одним поколением с избытком хватает на панорамный холст целой эпохи. Когда позади полуголодное, а у многих сверстников и голодное сиротское детство, пропитанная пороховой гарью боев юность, вытаскивание страны из разрухи... «Раньше думай о Родине, а потом о себе...» – для миллионов советских людей эти слова стали жизненным девизом, несмотря на частое несоответствие объявляемых ценностей реалиям жизни.

В ночь на 22 июня 1941 года командир расчета зенитной установки Александр Филатов был начальником караула. Так что рассвет он встречал на ногах, готовый, казалось, к любой неожиданности на земле. А беда пришла с неба. Волны немецких бомбардировщиков безнаказанно проплывали над головами зенитчиков, они же могли только яростно сжимать кулаки: пушки новые, но ни одного снаряда на складе дивизиона. И ни единого нашего самолета в воздухе...

Потом станет известно, что аэродромы и другие важнейшие оборонные объекты Киевского военного округа в первые же часы войны если не разбомблены были с воздуха, то взорваны диверсионными группами

гитлеровцев. Чьей-то недоброй волей спешно выносимые к новой западной границе укрепрайоны оборудовать толком не успели, зато доты-дзоты вдоль старой зачем-то наглухо завалили...

Снаряды подвезли во второй половине дня. Расчеты только-только заняли боевые позиции, как появились три фашистских штурмовика. Поднять ствол и бить «влет» зенитчики не успевали, и Филатов приказал развернуть орудие по ходу самолетов. Ударили шрапнелью по «хвосту». Попали... Летчиков взяли в плен, не исключено, что это были первые плененные гитлеровцы.

Александр Иванович считает тот свой первый боевой успех самым значимым. Имеет право. Точно так же,

Нагрудный знак
«За честь и достоинство»
вручает президент ФПА
РФ Е. Семеняко

как и называть бой 23 мая 1945 года, уже после капитуляции Германии, последним лично победным боем. Тогда он со товарищи пленили группу скрывавшихся в лесу эсэсовцев (возможно, одну из последних).

Бой первый... Бой последний... А между ними до сих пор трудно, с болью возвращаемые памятью, непонятно как пережитые сотни километров отступления, испуганные глазенки деревенских ребятишек и слезы их матерей. Почему-то все время казалось, что отступают зенитчики по земле, выжженной теми самыми бомбардировщиками, которых они пропустили в глубь страны в тот страшный первый день войны не по своей вине. Были потом и километры триумфального шествия по Европе к логову врага, и, наконец, долгожданное, выстраданное возвращение домой.

Говорят, важен и необходим любой опыт, даже с отрицательным результатом. Фронтовой же, особенно в самой тонкой сфере человеческих взаимоотношений – на грани между жизнью и смертью, вдвойне,

если не втройне, дороже. Возможно, именно потому адвокату Филатову, прошедшему войну, но еще совсем молодому специалисту, оказалось несложным найти общий язык с одним из своих первых доверителей, выставить его защиту.

Инвалида войны Виктора Сидорина, в недавнем прошлом фронтowego командира танка, чудом не сгоревшего в боевой машине, обвинили в покушении на умышленное убийство жены. Сидорин вину свою не отрицал. Но после откровенных бесед с ним адвокату стало ясно: считать действия его подзащитного намеренными нет оснований. В дело, как часто бывает, вмешался случай. Возвращаясь поздним вечером в госпиталь, Сидорин попал под дождь. Вернулся домой и не застал там жену. Из подъезда она не выходила. Неужели изменяет ему с соседом по коммунальной квартире? Постучал туда – тишина. В ожидании и сомнениях просидел всю ночь на кухне. А утром, когда жена вышла из комнаты соседа, нанес ей удар кухонным ножом в живот...

«Что в тот момент пережил человек?» – вроде бы риторически спрашивал в суде адвокат, настаивая, что преступление Сидорин совершил в состоянии нервного потрясения, когда после бессонной ночи увидел жену на пороге комнаты любовника. Пожалуй, и в самом деле немного найдется тех, кто сумел бы спокойно пережить такое...

Прокурор же считал, что Сидорин совершил преступление не в состоянии аффекта. Его поведение он объяснял не внезапно возникшим сильным душевным волнением, а называл заранее обдуманном, умышленным. Дескать, до появления потерпевшей из комнаты соседа и действиями обвиняемого прошла целая ночь. И за это время обвиняемый вполне мог обдумать и подготовить преступление. Значит, и заслуживает восьми лет лишения свободы.

Александр Иванович с горечью говорил о том, что слишком многие в процессе предварительного следствия, а особенно в ходе судебного заседания, хотели бы видеть адвокатов эдакими китайскими болванчиками, согласно кивающими на каждый словесный пассаж обвинения. Филатов же и роль соглашателя не совместимы априори. Не отличался он покладистостью ни на фронте, ни в годы учебы на юрфаке, ни во время работы в юридическом отделе Центропромсовета. Сразу ввязался в жаркий спор с прокурором по поводу юридической квалификации бесспорного преступления, его мотивов.

Аргументы защиты убедили судью (кстати, им был не кто иной, как нынешний глава Верховного суда РФ Вячеслав Лебедев). Сидорину был вынесен приговор: два года лишения свободы. Вчерашние танкист и зенитчик могли считать такой исход своим очередным победным боем, на сей раз – с равнодушием, черствостью и косностью.

Сколько их еще будет на более чем полувековой адвокатской тропе Александра Ивановича... И каждое из трудных дел для него, как зажившая, но нет-нет да и напоминающая о себе зарубка на сердце: ни стереть из памяти, ни заменить чем-то более подходящим.

О городе Нерюнгри в Южной Якутии до командировки туда Филатов знал разве лишь то, что там морозы и за пятьдесят не диво. А тут его вдруг пригласили в Министерство угольной промышленности, предложили взять на себя защиту заведующего гаражом Нерюнгринского комбината Давида Гринберга. Гараж сгорел, его заведующему предъявили обвинение в халатности и злоупотреблении служебным положением. Пришлось Филатову тогда основательно поднапрячься. В смысле, заняться изучением региональных особенностей, спецификой угледобычи вскрышным, то есть открытым, способом, проштудировать литературу по организации шахтной транспортной системы. А потом, уже на месте, еще и хорошенько покопаться «вокруг да около» сложившейся ситуации.

Обвинению казалось бесспорным, что гараж, а в нем больше двадцати маслозаправочных и 100-тонных

грузовиков, закупленных в Японии за валюту, сгорели по вине Гринберга. Когда Александр Иванович приехал в Нерюнгри, он убедился, что стандартная система отопления в гараже не была рассчитана на здешние морозы. Двигатели «япошек» приходилось не выключать сутками. И рабочие нашли выход: «собрали» бензиновый обогреватель. В какой-то момент он взорвался, гараж выгорел полностью. Ущерб огромный, а виновник кто? По версии следствия – завгар. А по мнению министерства, во многом именно благодаря организаторским способностям и профессионализму Гринберга безотказно действовала одна из важнейших северных транспортных артерий.

Трое суток в Нерюнгри стали для Филатова сплошными сутками поисков: доказательств, свидетелей, аргументов в пользу проявившейся позиции. Непонятно какими путями, но каждый шаг московского защитника тут же становился известным нерюнгринской юридической общественности. И все местные адвокаты пришли в суд, чтобы послушать столичного коллегу.

Прокурор требовал два года лишения свободы по обоим статьям. А защитник полагал, что непринятие мер по устранению самодельного пожароопасного прибора вполне укладывается в понятие «халатность», и нет необходимости привязывать к этому другие статьи УК. Тем более что обвиняемый весьма положительно характеризуется по месту работы и жительства, прекрасный семьянин. Что касается крупного материального ущерба, то это явно не тянет на лишение свободы человека, непосредственно не виновного в его нанесении.

Когда клиент уверен в защитнике, а адвокат уверен в искренности доверителя, обоим на всех стадиях процесса – и, главное, в судебном заседании – легче выдерживать единую линию защиты. И, несмотря на ощутимое давление представителей нерюнгринских властных органов, Гринбергу было назначено наказание за халатность в виде одного года исправительных работ. Без лишения права занимать ответственные должности. Он остался на прежней работе, и Минуглепрому не пришлось расставаться с опытным, знающим руководителем одного из своих региональных подразделений на Крайнем Севере.

А Филатов вписал еще одну приятную для профессионала строку в свою адвокатскую биографию. Начиналась же она... с известной идеи Н. С. Хрущева о создании новой структуры управления государством – советов народного хозяйства. При этом менялась только «шапка», дыры же на хозяйственном «кафтоне» оставались, о судьбах людей мало кто думал. И когда Центропромсовету, где работал арбитром Александр Иванович, поручили подготовить проект становления ЦК партии и Совмина о его ликвидации, он предложил включить в документ фразу: «Обязать Совет министров РСФСР трудоустроить увольняемых работников Центропромсовета». Начальник юротдела засомневался, пройдет ли она. Прошла.

Кандидатуру Филатова (по его просьбе и ходатайству Минюста) вынесли на обсуждение президиума Московской городской коллегии адвокатов. Но там уже скопилось столько заявлений от юристов из ликвидированных министерств, что коллегия пришлось установить штатный лимит. И со ссылкой на отсутствие вакансий Александру Ивановичу дважды отказывали в приеме. Лишь на третий раз, когда в заседании президиума коллегии участвовал заместитель министра юстиции, Филатову пошли навстречу.

В связи с двухлетним опытом практической работы он не обязан был проходить стажировку, но сам попросился в стажеры к Павлу Николаевичу Ангелопуло. В свое время Павел Николаевич был репрессирован, отсидел 15 лет, после реабилитации стал известным адвокатом.

Поначалу Филатов набирался знаний, опыта на приемах граждан своим шефом. Вникал в тонкости общения с разными людьми в различных ситуациях. Под опекой Ангелопуло, а потом и самостоятельно стал вести дела. На всю жизнь усвоил совет наставника: «Ты хорошо учишься, теоретически подготовлен. И все же, когда применяешь какую-то статью, снова обратись к ее тексту. Обязательно найдешь что-то важное для себя. И для своего доверителя».

Общение с много повидавшим, энциклопедически оснащенным старшим коллегой было для начинающего адвоката лучшей практикой. Пройдут годы, и Филатов сам станет членом президиума адвокатской коллегии и более 20 лет будет с успехом исполнять эту почетную обязанность.

В то время не было ни нормальных диктофонов, ни специальных баз данных, не говоря уж об Интернете и т. д., хотя нужда в информационной системе остро ощущалась. И Александр Иванович завел простейшую картотеку, которая исправно служила и ему, и его коллегам. Практически по любому делу в ней можно почерпнуть нужную информацию и сейчас. А уж тогда она для многих стала настоящим кладом знаний.

Мой собеседник перебирает картотеку, попутно называет фамилии, годы, города, далекие от столицы поселки, разные ситуации, показывает письма, фотографии тех, кого ему удалось спасти от тюрьмы. А я думаю о том, какая же большая, доверху наполненная благородными событиями, счастливая личная и профессиональная жизнь за спиной этого сидящего напротив седого человека, который сумел на всех изломах судьбы оставаться самим собой и быть примером для других. Наглядное свидетельство тому – вручение патриархам нашей адвокатуры Арии, Брилю, Гофштейну, Филатову и Хейфецу (самым первым в сообществе) знака «За честь и достоинство».

Валерий БОБА,
спецкор «Российского адвоката»
Фото Захара РОМАНОВА

РЕЕТ ЗНАМЯ КИРАСИРОВ

Новгородский адвокат Константин Пакин увлекается реконструкцией боевых событий 1812 года на Бородинском поле. Уже 20 лет он принимает участие в походах Общероссийского военно-исторического общественного движения и знает все про армию наполеоновской эпохи.

Мундиры членов клуба «5-й кирасирский полк», в котором 10 лет «служит» Константин Владимирович, точная копия военной формы кирасиров армии Наполеона. Энтузиасты шьют мундиры за свой счет, изготавливают муляжи палашей, кремневых пистолетов, карабинов. Под Можайском они неделю живут в палатках, готовят пищу на костре, отрабатывают съезженность строем. И все это, для того чтобы в первое воскресенье сентября, когда по традиции отмечается годовщина Бородинской битвы, восторженные зрители увидели реконструкцию одного из самых великих сражений в отечественной истории. Затрубит труба, засыплют пушечные ядра – и полетит в атаку тяжелая кавалерия, закованная в стальную кирасу. А впереди всех – орлоносец Константин Пакин с развевающимся полковым штандартом в руке. Верным товарищем в походной жизни стала дочка Ольга. Она в полку – трубач, великолепно держится в седле и уже семь лет сопровождает отца. В «мирной жизни» девушка учится на юридическом факультете Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Со временем мечтает стать адвокатом, как ее отец.

Наш корр.
Фото И. ЕГОРОВА

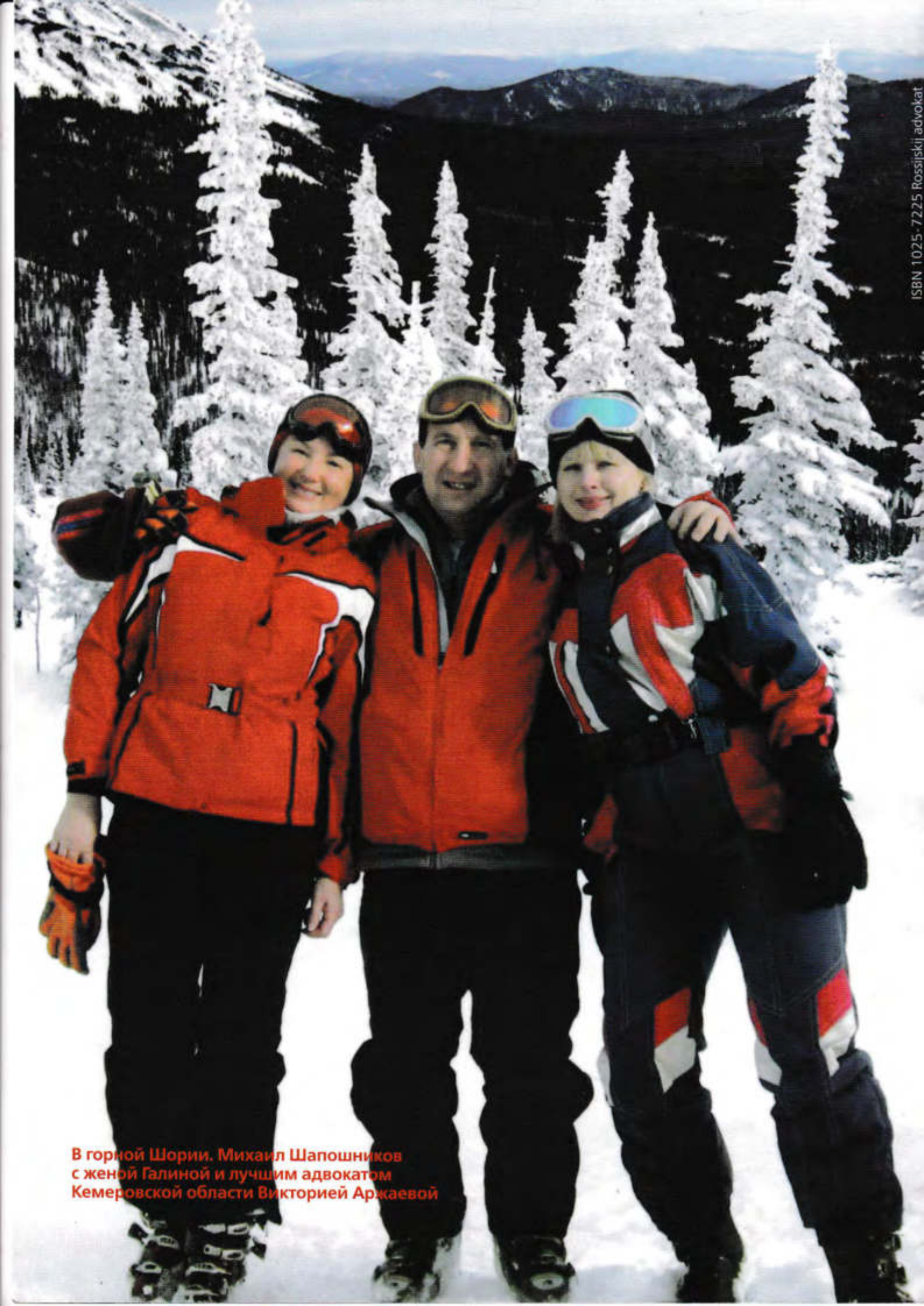

▲ На поле Бородинском (крайняя слева Ольга Пакина, Марк Шнайдер в роли Наполеона и Константин Пакин)

◀ Уж мы пойдем ломить стеною...

▲ Французы двинулись, как тучи

**В горной Шории. Михаил Шапошников
с женой Галиной и лучшим адвокатом
Кемеровской области Викторией Аржаевой**